ЛБ38 692

Д. МАКОВСКИЙ

1538
692

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ СМОЛЕНЩИНЫ

ОГИЗ СМОЛГИЗ 1946

Д. П. МАКОВСКИЙ

1538
692

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ СМОЛЕНЩИНЫ

ОГИЗ
Смоленское Областное Государственное Издательство
1946

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
839883

I. УЧАСТИЕ СМОЛЯН В ВОЙНАХ С КОЧЕВНИКАМИ (XI — XII В.В.)

Великая русская земля за свою многовековую историю знала многочисленные вторжения с востока и запада различных завоевателей. Важнейшие торговые пути в древние и средние века шли через нашу землю. Ее огромные богатства привлекали к себе внимание жадных захватчиков. Во времена образования Киевского государства из Азии непрерывными потоками вторгались орды кочевников. На русскую землю нападали, стремясь ее покорить и разграбить, хозары, печенеги, торки, половцы и, наконец, татары.

Русский народ своей широкой и могучей спиной заслонил народы Запада от свирепых кочевников, неоднократно спасал Европу от разорения и порабощения.

Русские разбили сильные племена печенегов, под ударами которых шаталась Византийская империя. Византийский император Алексей Комнин в отчаянии и страхе перед кочевниками молил о помощи европейских королей. Он писал: «Они грабят ее (империю) ежедневно и отнимают ее области. Убийства и поругания христиан, ужасы, которые при этом совершаются, неисчислимы и так страшны для слуха, что способны возмутить самый воздух».

В многовековую борьбу русского народа с восточными кочевниками вложили свою лепту и смоляне.

Смоленск лежал на скрещении двух важнейших путей — из Варяг в Греки (с севера на юг) и из Азии в Европу (арабский путь). По этим путям непрерывно рыскали ватаги грабителей. Особенно часты были набеги варягов. Подножия смоленских холмов помнят не одну жестокую сечу. Это положение Смоленска на перекрестке торговых путей и условия его существования заставляли смолян быть всегда готовыми к бою. Русский летописец начертал, что «Смоляне борзо боеви и хоробры».

Смоленск рос, крепчал, внушая врагам страх. Об этом говорит даже первое летописное упоминания о Смоленске.

В 865 году большая варяжская ватага во главе с Асколь-дом и Диром, проезжая мимо Смоленска, не прочь была пограбить город, но пришлось оставить его в покое, так как «зане град велик и мног людьми».

Смоленские полки не раз предпринимали походы с далекого севера в южные степи, чтобы совместно с воинами других областей отстоять независимость нашей родины от диких кочевников. В богатой истории Смоленска красной нитью проходит идея единства русской земли, самоотверженной борьбы за общие интересы родины. Эту идею упорно насаждали первые смоленские князья из династии Владимира Мономаха, который заслуженно пользовался любовью русского народа за свое радение о Русской земле.

Владимир Мономах, некоторое время сам княжествовавший в Смоленске, своих детей и подданных поучал: «смерти бо ся, дети, не бояще, ни от рати, ни от зверя, но мужьское дело творите». Он учил беречь родину: «не блюдя живота своего, ни щадя головы своея». В послании Олегу Святославичу Владимир Мономах писал: «Русьскы земли не погубим... Не хочю я лиха, но добра хочю братьи и русьской земли».

Много бед причинили русской земле половцы, нападения которых совпали с началом распада Киевского государства и феодальных междоусобных войн. Владимир Мономах много усилий приложил, чтобы прекратить междоусобицы и объединить силы русских князей для борьбы с половцами. Битв с половцами с 1061 года (первое нападение) до разгрома половцев татарами (за два с половиной столетия) было очень много. Случалось в один год по два сражения (1107, 1185 и другие годы).

Смоленская земля непосредственно не подвергалась нападению половцев, за исключением одного раза, когда черниговский князь Изяслав, воюя со смоленскими князьями, привел половцев (1159 г.) и они основательно пограбили южные окраины. Смоленские полки прогнали половцев.

Смоляне и их князья, памятуя завещание Владимира Мономаха, не раз ходили на половцев, спасая южные княжества, особенно Киев. Первое участие смолян в битве с половцами, которых привел Олег Святославич, относится к 1078 году. Правдиво говорит автор «Слова о полку Игореве», что «князья сами на себя ковали крамолу, поганные же победно налетели на русскую землю». Поло-

зуясь могуществом своих волостей и особенно Смоленской, Владимир Мономах организует ряд успешных походов на половцев, заставляя крамольных князей присоединяться к себе. Поход 1095 года, в котором участвовали и смоляне, закончился блестящей победой — «взя вежи, полониша скоты и коне, вельблуды и челядь».

Более крупный поход был предпринят в 1103 году. Русские искали половцев уже не у своих границ, а четыре дня ехали по степи к Дону и на реке Сутень встретились с главными половецкими силами. Русские одержали «победу велику», убили 20 половецких князей, многих пленили и с большой добычей вернулись домой.

Еще большим событием на Руси был поход 1111 года. «Вся земля Русская, — говорит летописец, — кийждо со своею силою, идоша на Половцы и поимаша грады их Шаркун и Зограб на Дону». 27 марта побили «тмы тьмами» половцев. Этот разгром надолго избавил русскую землю от разорения и заставил половцев уйти далеко за Дон.

Смоленский князь Ростислав, следуя своему деду Владимиру Мономаху, также стремился прекратить княжеские междоусобицы и не допускать разорения от половецких вторжений. Смоленское княжество при Ростиславе и его детях достигло своего могущества. Князь мог собирать много войска. Об одном из походов (1148 г.) летописец говорит: «Прииде... Ростислав Мстиславич с смоляны и с множеством вой».

Смоленское княжество при князе Ростиславе (1125 — 1160 г. г.) обособилось и превратилось в самостоятельное государственное образование. После смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) Смоленское княжество досталось его четвертому сыну Вячеславу.

Смоленская земля, расположенная на верховьях трех рек — Днепра, Волги и Западной Двины, — играла важную роль в военно-стратегическом и торговом отношениях. За обладание Смоленским княжеством вначале велась борьба между Ярославичами—Изяславом, Святославом и Всеволодом, а потом между Святославичами (Давид и Олег), с одной стороны, и Владимиром Мономахом и его сыновьями—с другой. После Любечского съезда князей (1097 г.) Смоленское княжество навсегда закрепилось за династией Владимира Мономаха.

Смоленская знать, купцы стремились утвердить в Смоленске постоянного князя, который бы радел Смоленской

земле, отстаивал ее интересы. Это стремление подогревалось напряженными отношениями с соседними княжествами — издавна с Полоцким, потом с Черниговским и впоследствии с Ростово-Суздальским.

В отдаленные времена Полоцк был основан смоленскими кривичами как форпост-крепость на Западной Двине с целью обеспечить древнейший путь на запад и держать в подчинении местные литовские племена.

Около первой половины IX века укрепившаяся материально и политически полоцкая знать сумела добиться независимости от Смоленска и закрепить за собой дани с литовских племен и выгоды от торговли с Западом, резко ущемив интересы смоленской знати и купцов. Началась продолжительная борьба Смоленска и Полоцка за господство в Подвиньи. В силу различных причин Полоцку, который издревле имел свою княжескую династию, удалось в период княжения Ярослава Мудрого получить город Витебск и город Усвят и тем самым вытеснить Смоленское княжество с бассейна Западной Двины. Смоляне не желали и не могли примириться с такой потерей, и борьба еще более обострилась. Прославленный воин Полоцкий князь Всеслав пытался разрушить Смоленскую крепость и в 1078 г. осадил ее, но взять не смог, только поджег посады. На помощь Смоленску прибыл с юга Владимир Мономах с дружиной. Владимир Мономах, занятый тяжелой борьбой на юге со своими двоюродными братьями — Черниговскими князьями, мало уделял внимания нуждам Смоленска. Это вызывало недовольство. Смоленские бояре в 1095 году прогнали посадника (наместника князя) Владимира Мономаха и пригласили к себе Черниговского князя Давида Святославича. Владимир Мономах не хотел потерять выгодную в военном и экономическом отношении Смоленскую волость и на Любечском съезде постарался закрепить ее за собой. Вместе с этим Владимир Мономах вынужден был пойти навстречу требованиям смолян и дать им уже не посадника, как это было раньше, а князя, и прекратить зависимость Смоленска в церковном управлении от южной Переяславльской епископии. В 1101 году в Смоленске Владимир Мономах начал строить епископскую церковь—собор. Кроме этого, Владимир Мономах, сделавшись великим Киевским князем (1113 г.), принимает ряд мер по удовлетворению требований смолян, прежде всего в отношении утверждения влияния Смоленска в бассейне Западной Двины и на западном Торговом пути.

Владимиром Мономахом и его сыном предпринимается несколько походов против Полоцкого княжества. В результате Полоцкие князья были захвачены и высланы из пределов русской земли. После смерти Владимира Мономаха (1125 г.) в Смоленске князем становится его внук Ростислав Мстиславич — родоначальник династии Смоленских князей. Начало княжения Ростислава совпало с периодом окончательного раздробления Киевского государства на многие самостоятельные феодальные государственные образования — княжества: Киевское, Черниговское, Новгородское, Смоленское, Ростово-Суздальское и др. Смоленское княжество усилиями такого рачительного хозяина, как князь Ростислав, основательно окрепло в экономическом и политическом отношениях, расширило свои границы за счет Полоцкого и Черниговского княжеств. Смоленское княжество само становится «Великим» княжеством. Ростислав и его сыновья (Роман и Давид), будучи Смоленскими князьями, имеют зависимых от себя князей — Друцких, Витебских, Брянских, Рязанских и др.

Дети Ростислава, опираясь на мощь Великого Смоленского княжества, продолжали вести линию отца и своего знаменитого прадеда — на объединение усилий русского народа в борьбе с врагами. Не случайно автор «Слова о полку Игореве» обращается к Ростиславичам с такими словами: «Вы, храбрые Рюрик и Давид. Не Ваши ли золоченые шлемы плавали в крови? Не Ваша ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненые калеными саблями в незнакомом поле? Вступите, господа, в золотые стремена за обиду сего времени, за землю русскую, за раны Игоря, храброго Святославича». Образ поэта, в котором он сравнивает смоленскую дружину Ростиславичей с турами, говорит о том, что смоляне создали себе славу называться храбрыми, могучими воинами, наводящими страх на врагов. Автор упрекает многих русских князей, что они не радеют родной земле, забыли старого Владимира (Мономаха), не ведут борьбу с врагами. «О стонать русской земле, вспоминая прежние времена и прежних князей. Того старого Владимира князя нельзя было пригвоздить к киевским горам, одни знамена стали ныне Рюрика, другие Давида»,— говорит автор «Слова о полку Игореве».. Летописец дает такой отзыв о Смоленском князе Давиде: «бе бо крепок на рати, всегда бо тосняшеть (стремился) на великие дела злата и серебра не сбирашеть, но дасть дружине».

Смоляне участвовали не только в защите южных границ русской земли, они обороняли ее и от вторжения с запада. Смоленские полки участвовали в трех походах против венгров (1206, 1208 и 1218), которые старались покорить Галичское княжество (Западную Украину).

И много раз смоляне в описываемую эпоху сражались и против польских феодалов, стремящихся захватить Волынь.

II. БОРЬБА СМОЛЯН С НЕМЕЦКИМИ РЫЦАРЯМИ

Пришлось смолянам столкнуться и с предками немецких фашистов, псами-рыцарями в ранний период их вторжения в Прибалтику. Смоленские кривичи в древнейшие времена прочно обосновались на верховьях и в среднем течении Западной Двины, имея своими западными форпостами города Полоцк и Изборск. Обладая более высоким экономическим укладом, кривичи распространяли свое влияние на литовские и латышские племена, жившие в низовьях Западной Двины между Западной Двиной и Неманом и в районах Прибалтики. Литовские племена и ливы охотно перенимали более высокую культуру и быт кривичей, вступали с ними в экономические отношения. Смоленские и полоцкие кривичи, распространяя свое влияние далеко на запад, создавали многочисленные поселения. Как говорят летописцы, отношения между кривичами и подвинскими, прибалтийскими племенами были добрососедскими и даже дружественными.

В середине XII века в устье Западной Двины бурей было пригнано судно немецких купцов. С этого времени начинается период вторжений немцев в район Подвинья. В 1184 году на средства немецких купцов организуется первая экспедиция рыцарей-крестоносцев. «Северо немецкие купцы добровольно давали деньги и корабли... Жаждущие добычи и приключений рыцари принимаются за дело» (Маркс). Жадные псы-рыцари под вывеской насаждения христианства принялись грабить и закабалять литовцев и ливов. Для обеспечения своего господства рыцари строили каменные замки и крепости — так возникли Икскюль, Гольм, Рига и др.

Рыцари первое время стремились хитростью, дарами, выказываниями любви и дружбы успокоить полоцких кня-

зей, чтобы выиграть время и укрепиться в Прибалтике. Первый поход Полоцкого князя Владимира на рыцарей относится к 1200 году. В чистом поле рыцари побоялись столкнуться с дружиной Владимира, а спрятались за каменные стены своих замков. Русские в то время не имели опыта брать каменные крепости и не обладали для этого нужными средствами. Много походов предпринимали Полоцкие князья, но прогнать немцев не смогли. Наоборот, псы-рыцари все дальше оттесняли полочан на восток, пуская в ход вероломство, подкуп, силу. Так они захватили города Кукенойс, Герцике и ряд волостей. Под напором рыцарей полочане и витебчане стали просить помощи у Смоленских князей. В 1222 году Полоцк и Витебск становятся под власть Смоленского князя. С этого времени в борьбу с немецкими рыцарями вступают и смоляне.

Начало упадка Великого Смоленского княжества совпало с периодом усиливавшегося наступления немцев на восток и с нашествием татар на русскую землю. Сам Смоленск не подвергся разорению, но захват татарами волжских районов разрушил старые пути торговли с востоком, а несколько раньше (1204 г.) крестоносцы захватили Константинополь и окончательно закрыли путь из Варяг в Греки. Экономическое состояние Смоленска резко ухудшилось также в связи с тем, что татары разграбили соседние русские земли и восточные районы самого Смоленского княжества. Удар татар с востока был дополнен ударом врагов с запада. Все чаще и чаще на Смоленскую землю начали нападать литовские князья.

Немецкие псы-рыцари и их вероломные епископы в своем стремлении поработить соседние народы не гнушались никакими средствами. Испытанный прием—усыпить бдительность противника, прикинуться его другом они применяли в отношениях с Полоцкими и Смоленскими князьями. Первое время, когда позиции немцев в Прибалтике были слабы, рыцарские епископы и магистры не гнушались пресмыкательством и заискиванием перед русскими князьями, говорили им льстивые речи, одаривали ценными подарками. Потом, укрепившись, они начали натравливать литовцев на русских. Обучали литовских князьков военному делу, снабжали оружием и разжигали в них жажду наживы, организовывали даже грабительские набеги литовских племен на Полоцкие, Смоленские и Новгородские княжества. А чтобы отвести удар русских князей от себя, старались

внушить, что русским угрожают не они, а другие, в частности датчане и Эстония. Так им удалось отвести удар князя Ярослава в 1223 году.

Когда нужно, немцы непрочь были и запугать русских князей мощью объединенных сил немцев и датчан. Так они поступили в 1200 году, и князь Полоцкий Владимир снял осаду Кирхгольма и вернулся домой.

Если же запугать русских князей не удавалось, немецкие магистры и епископы старались использовать семейные связи, поставляя русским князьям в качестве жен красивых женщин-католичек. И горе было тем, кто попадался в их сети. Женив князя Всеволода на дочке брата епископа Альберта, немцы хотели превратить его в данника ордена. Еще подлее рыцари поступили с Полоцким князем Борисом Давидовичем, когда тот, влюбившись в дочь померанского князя, красивую и ярую католичку Святохну, женился на ней. Прибыв в Полоцк со своим духовником, доминиканским монахом, Святохна провокациями и подлогами натравила князя на сыновей от первой жены и на русских бояр. Многих бояр, противников немцев, злодейски умертвили. Сын Бориса, Василько, нашел способ разоблачить и обвинить мачеху и с помощью половчан арестовал ее, перебив немецких чиновников.

Наиболее омерзительным приемом немецких рыцарей в первый период их вторжений было стремление делать всякие злодеяния, убийства и насилия при помощи предателей из местного населения — литовцев, латышей. Казни и расправы над русскими немцы старались делать руками этих людей, чем иногда вводили в заблуждение русских князей. В 1234 году князь Ярослав наголову разбил немцев под Юрьевом и, «поклонившася немцы князю», стали просить мира, всячески оправдываясь, и старались свои жестокости свалить на других. То же имело место и в 1223 году в районах Эстонии (Фелинская область).

Так хитростью, коварством и кровавыми злодейскими убийствами стремились немцы смирить непокорные народы, внушить им страх перед своим оружием.

После ряда столкновений продвижение немцев на Полоцк и Витебск было приостановлено. Видя свои неудачи, немцы ищут мира со Смоленским князем Мстиславом Давидовичем, о чем особенно старались купцы города Каселя. В 1229 году был подписан договор, который носит название «Смоленская торговая правда». Смоляне немцев

не любили, и в городе часто были избиения немцев, поэтому они должны были останавливаться на Смядыни в княжеском дворе, под защитой князя. Непрерывная борьба смоленских феодалов с черниговскими, ростово-суздальскими и другими толкнули Смоленского князя искать выход в торговле с немцами и прекратить борьбу с ними. Этот мир со смолянами развязал руки рыцарям в их наступлении на новгородскую землю. Разгром псов-рыцарей на льду Чудского озера (5 апреля 1242 г.) надолго отучил немецких захватчиков совать свое свиное рыло в русский огород.

III. БОРЬБА СМОЛЯН С ТАТАРСКИМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ

На русскую землю надвигалось новое бедствие. Из северо-кавказских степей хлынули татарские орды, разгромив старых русских врагов — половцев. Русские князья под влиянием Мстислава Удалого решили выступить навстречу новому, неизвестному врагу. Собралось к днепровским порогам многочисленное войско. Сюда прибыли и смоленские полки во главе с князем Владимиром Рюриковичем.

Летописец рассказывает, что между князьями не было единства. Мстислав Удалой (Галицкий князь), не согласовав своих действий с Мстиславом Киевским и Мстиславом Черниговским, переправился через реку Калку навстречу татарам и увлек за собой ряд других князей, в том числе Смоленского князя Владимира. Впереди русских шли половцы, которые, не выдержав удара татар, побежали и расстроили русские полки; этим воспользовались татары, и началась жестокая сеча. Расстроенные половцами русские полки не выдержали напора татар и дрогнули. А над рекой на горе стояли полки Мстислава Киевского и его подручных князей и не вступали в бой. В этой свалке устойчивыми показали себя смоляне. Их князь Владимир Рюрикович, раненный в бою, сумел собрать 5.000 человек, отбиться от наседавших татар и даже захватить много коней. С боем отступая, он ушел за Днепр и вступил в Киев. За это киевляне просили Владимира быть у них великим князем. Киевский же князь Мстислав, наблюдавший со своей укрепленной горы за Калкской битвой, три дня отбивал штурмы татар. Обманом татары выманили русских из-за укреп-

лений и потом перебили всех воинов, а Мстислава и еще двух князей положили под деревянный помост, на котором устроили пир, и раздавили. После этого татары ушли в Среднюю Азию.

Прошло тринадцать лет. На Руси стали забывать о страшной битве на реке Калке. В 1237 году из-за южных отрогов Урала появились орды хана Бату. Пользуясь раздробленностью русской земли и междоусобиями князей, хан Бату поодиночке громил и разорял русские княжества, не щадя стариков, женщин и детей. Как говорит предание, там, где ступал копытом конь Батыя, трава сто лет не росла.

В 1239 году «Умыслил злой мучитель Батый тайное нашествие на богоспасаемый Смоленск», — говорится в сказании о Меркурии Смоленском. Большой татарский отряд был послан Батыем для покорения Смоленска. Татары вторглись на Смоленскую землю, оставляя после себя пепел и развалины, мучая и убивая людей. — И многие из православных сами себя зарезывали и от себя смерть принимали, чтобы не осквернриться от поганых. Татары двигались на Смоленск со стороны Ельни. Не доходя 24 верст до Смоленска, они были задержаны девятиверстным болотом (Долгомостье). Через болото перешла только часть татар. 15 августа около города появились татарские разъезды. Ночью смоляне перебили многих из них, что воодушевило жителей. И когда назавтра к городу приблизились татары, смоляне вышли навстречу «в поле» (за Молоховские ворота). Решительно ударили смоляне на татар; последние не выдержали и побежали. Главные силы татар, стоявшие за болотом, вынуждены были удалиться к себе в степи. Как видно из отдельных источников, впоследствии смоляне, чтобы сохранить от разорения город, вынуждены были признать власть татарского хана. В городе появились татарские баскаки (сборщики дани). Их селили вместе с немецкими купцами на Смядыни, несмотря на протест немецкого магистра, что нашло свое отражение в одном из договоров. Тяготы дани, издевательства ханских чиновников вызывали возмущение против татар, и в первой половине XIV века имели место выступления смолян против татар. Их избили и изгнали из города. Против смолян татары послали карательную экспедицию. Свои услуги предложил татарам Брянский князь Димитрий. Стремясь сесть на великое княжение в Смоленске, он со своей дружиной

и с большим отрядом татар явился под Смоленск. Долго штурмовали город татары и дружина Димитрия, много пролили крови. Смоляне самоотверженно защищали свой родной город, свои семьи от позора и уничтожения. Не добившись успеха, татары удалились.

Через шесть лет свирепый татарский хан Узбек организует большой карательный поход на Смоленск. Во главе татарского отряда был поставлен Товлубей. В 1340 году под Смоленск подошло большое войско. Русские полки, насильно присланные Узбеком, не проявили желания проливать братскую кровь, а татары, увидев мощную смоленскую крепость и многочисленных ее защитников, не решились штурмовать город. Никоновский летописец указывает, что татары выжгли смоленские посады, разграбили многие села и вынуждены были удалиться.

Последнее участие смолян в борьбе с татарами относится к 1380 году, когда русские, предводительствуемые храбрым, мужественным полководцем Дмитрием Донским, на Куликовом поле разгромили на-голову огромную армию хана Мамая. В этой исторической битве участвовали многие смоленские князья, а князь Иван командовал большим полком. На Куликовом поле среди русских воинов не было трусов и предателей, все бились насмерть со своими вековыми врагами — татарскими завоевателями. Их мужество и героизм вдохновляли воинов Красной Армии в борьбе с гитлеровскими людоедами.

IV. БОРЬБА СМОЛЯН С ЛИТОВСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ (XIII — XIV В.В.)

Как уже было сказано выше, в XIII веке усилились нападения литовских князьков на Смоленские земли.

Первое крупное нападение литовцев на Смоленск относится к 1204 году, когда князь Кермус неожиданно ворвался в пределы области и дошел до главного города. Князь Мстислав Романович разбил литовцев и прогнал их. Такие вторжения имели место и в 1206, 1223, 1225, 1236, 1239, 1245 и в 1253 годах. Особенно часто подвергалась нападению Торопецкая волость.

Перед нашествием хана Бату казалось, что Великое Смоленское княжество достигло своего наибольшего могущества. Территория его разрослась до огромных размеров.

На юге вассалами великого Смоленского князя были князья Брянский и Карачевский, на востоке Смоленская земля включала в свой состав Можайское княжество, на северо-востоке — Ржевское, на севере — Торопецкое, на западе — Мстиславльское, а с 1222 года Смоленску подчинились Витебск и Полоцк. Но в это же время Великое Смоленское княжество уже разъедалось ржавчиной феодальных междоусобиц. Оно состояло из разноцветных лоскутьев множества (17) удельных княжеств, хотя ими и управляли князья из племени Ростислава. Экономические связи под давлением различного рода причин все больше и больше ослабевали. Покорение и разорение татарами восточных и южных частей Великого Смоленского княжества основательно его подорвало, а удары с запада окончательно добили, как уже говорилось. Хотя Смоленск татарами не был покорен, но Смоленские князья вынуждены были признать власть хана, должны были ездить в орду на поклон к хану, откупаться дарами и данью и участвовать по приказу хана в некоторых военных экспедициях.

Смоленск раздирался смутами. В 1230 году после смерти князя Мстислава Давидовича в городе среди бояр образовались различные группы. Этим воспользовался зависимый от Смоленска Полоцкий князь Святослав Мстиславич и штурмом взял город, «иссече смолян много». Вскоре Смоленск посетил страшный мор (1232 г.). «В Смоленске створиша 4 скудельницы: дву 16000, а в 3-й 7000, а в 4-й 9000. Се же зло бысть по два лета». Этот мор в течение двух лет, когда в год хоронили по 30 тысяч человек, основательно обезлюдил город.

С образованием литовско-русского государства первый князь Миндовг организовал последовательное искоренение Полоцкой и Смоленской земель. Был предпринят большой поход, в результате которого литовцы захватили Полоцк, Витебск, а князь Радзивилл захватил Рославль и даже разорил посады Смоленска; выбивать их откуда смолянам помогал великий князь Ярослав Владимирский.

Резко ослабили Великое Смоленское княжество начавшиеся междоусобные войны Смоленских князей. В 1300 году Смоленский князь Александр Глебович хотел выгнать князя Дорогобужского, но последнего поддержал князь Андрей Вяземский, и под городом Дорогобужем произошла битва, в результате которой Смоленский князь был разбит и потерял сына. Московский князь Юрий Данило-

вич в 1303 году предпринял поход к Можайску, занял город, пленил Можайского князя Святослава Глебовича и присоединил к Москве земли по верховьям реки Москвы и в бассейне реки Протвы с важными торговыми волоками. Но на большее у Москвы тогда нехватило сил. К этому времени относится окончательное становление литовско-русского государства, которое при князе Гедимине окрепло и в долгой, упорной борьбе с немецкими орденами меченосцев и тевтонов отстояло свою независимость. Литовско-русское государство расширилось и усилилось за счет присоединения русских земель — сначала турово-пинских, потом полоцких, витебских, минских, северских. Многие русские князья, чтобы избавиться от татарского ига, искали поддержки в Литве. Эта линия стала проникать и в среду смоленского боярства. Кроме того, захватом Полоцка и Витебска литовские князья перехватили торговые связи Смоленска с Западом. Все это побудило Смоленских князей признать себя «младшими братьями» великого литовского князя Гедимина, что нашло свое отражение в договорах.

В то же время борьба Литвы с немцами почти не прекращалась. Рыцари не хотели отказаться от завоевания Литвы. Они воспользовались смертью Гедимина и снова возобновили нападение. На помощь Литве ходили смоленские полки. Правда, поход смолян против немцев (1848 г.) оказался неудачным. В этом походе погиб Смоленский князь.

Около середины XIV века в Литве утверждается великим князем Ольгерд, человек большой воли, хороший полководец и ловкий политик. При Ольгерде литовские феодалы начинают осуществлять большие завоевательные планы на востоке, где сталкиваются с окрепшим Великим Московским княжеством. Ольгерд ведет хитрую политику, разжигая споры между Москвой и Тверью, между Москвой и Смоленском. Он выставляет себя защитником Смоленских князей, а в это время захватывает Смоленские земли. Так Ольгерд присоединяет к Литве Брянск, Карачев, Рудню, Мстиславль, Белый и, наконец, Ржев. Тем самым он окружил и зажал Смоленск в клещи, отняв у него все пути — на запад, юг, север и северо-восток, и подорвал экономическую мощь князей, боярства и торговых людей города. В Смоленске среди бояр и купцов образовались различные партии: одни стояли за союз с Литвой,

другие – за Москву, а третьи, вспоминая былое могущество, мечтали отстоять независимость Смоленского княжества. Борьба этих партий и в разное время различное соотношение их сил накладывали свой отпечаток на поведение Смоленских князей в вопросах внешней политики. В одно время смоленские полки ходили (1359 г.) к Белому, чтобы выгнать литовцев, в другое — вместе с Ольгердом отправлялись в поход на Москву, чтобы вернуть Можайск, потом искали помощи у Московского князя Димитрия, участвуя в его борьбе с татарами.

Положительную роль в политической жизни Смоленска в то время играл епископ, который возглавлял московскую партию. По указанию московского митрополита смоленский епископ Даниил для устрашения литовских приверженцев отлучил от церкви князя Святослава Ивановича за его участие в походе Ольгерда на Москву. Эта крайняя мера в руках церкви резко ослабила литовскую партию и повлияла на дальнейшее поведение князя Святослава, усилив позиции патриотически настроенных бояр.

После смерти князя Ольгерда в Литве началась борьба Ягайлы с дядей Кейстутом и его сыном Витовтом. Этой борьбой воспользовался Смоленский князь Святослав и решил изгнать литовские гарнизоны из Орши и Мстиславля. Сговорившись с витебчанами и полочанами, Святослав в 1386 году выступил с войском к Орше, а оттуда пошел к Мстиславлю. Но прочную крепость Мстиславля оборонял крупный литовский гарнизон, и взять ее быстро не удалось. Против Святослава выступили объединенные полки примирившихся сыновей Ольгерда во главе со Скиргайло. 18 апреля произошел бой. Силы были далеко неравны. Смоляне потерпели поражение, князь Святослав был убит, его сыновья Глеб и Юрий попали в плен. Остатки смоленских воинов отступили. Их преследовали литовцы, и войско Скиргайло подошло к городу Смоленску. Смоляне заперлись в крепости. Скиргайло потребовал, чтобы смоляне дали большой выкуп и приняли к себе сына Святослава – Юрия уже не в качестве князя, а только наместника Литвы. Смоляне, чтобы сберечь город от разорения, вынуждены были согласиться. Скиргайло с войском удалился, «посадиша наместника князя Юрия Святославича из своеа рукы».

Так перестало существовать Великое Смоленское княжество — сильное в XII веке, ослабевшее в XIII веке и влачившее жалкое существование в XIV веке. Но воля к борь-

бе у смолян не иссякла. Юрий, не желая выполнять роль литовского наместника, готовился к борьбе. Смоленский епископ Михаил ездил в Москву за помощью. Об этом в Литве узнали. Великий князь Витовт в 1393 году заменил князя Юрия его братом Глебом Святославичем. Юрий ушел в Рязань. Но нарастание сопротивления в Смоленске не прекратилось. Князья других Смоленских уделов готовились объединить силы для борьбы с Витовтом.

IV. ПЯТЬ ПОХОДОВ КНЯЗЯ ВИТОВТА ПОД СМОЛЕНСК

Ловкий политик, не брезговавший никакими средствами, великий Литовский князь Витовт решил нанести Смоленску сокрушительный удар, чтобы окончательно закрепить его за Литвой. В 1395 году Витовт собрал большое войско и, распустив слух, что идет на татар, в сентябре подошел к Смоленску. В это время в городе был съезд Смоленских князей, которые прибыли со своими боярами. Между князьями шли споры, «в то время Святославичи бяху в разности». Узнав, что Витовт с войском остановился около Смоленска, наместник князь Глеб выехал навстречу, «возда ему честь и дары великие». Витовт принял Глеба очень ласково и любезно предложил свои услуги разобрать споры, примирить князей. «Они же яша веру льстивым его словесам», то есть поверили Витовту и пришли со своими боярами в литовский лагерь, «з дары и честью великою». Из города вышли многие жители, чтобы посмотреть на войско Витовта, которое отправлялось против страшного татарского завоевателя Тамерлана. Ворота крепости остались открытыми. Как только князья пришли в шатер Витовта, он приказал схватить их вместе с боярами, а сам с войском ворвался в открытые ворота крепости и устроил кровавую расправу. «Много богатства взял, — с возмущением рассказывает тверской летописец, — и много в плен поведе, и казни без милости... Се зло учинися сентября в 28». И вместо русского князя Витовт посадил в Смоленске своим наместником литвина Ямонта. А Смоленских князей и бояр устранил — одних казнил, а других заточил в тюрьмы. Преследуемый Витовтом, смоленский епископ Михаил должен был покинуть город и уйти в Москву. Витовт долго жил в Смоленске, закрепляя за собой столь ценное

ИСТОРИЧЕСКАЯ

в стратегическом и экономическом отношениях княжество и боясь выступления Московского князя. Но Московский князь Василий, встревоженный появлением в Золотой орде страшного завоевателя Тамерлана, не рискнул выступить против Литвы. На следующий год Витовт пригласил своего зятя великого князя Василия с женой в Смоленск, и там в 1396 году состоялась их встреча в торжественной и дружеской обстановке, где они договорились о границах Московского и Литовского княжеств.

Но захватнические планы Витовта не знали предела. Он мечтал подчинить себе все русские земли и в том числе Московское княжество. Воспользовавшись смутой в Золотой орде, бегством в Литву хана Тохтамыша после поражения его Тамерланом, Витовт решил реализовать свои планы. Хан Тохтамыш обязался за восстановление его в Золотой орде отдать Литве Московское княжество. Хитрый Витовт хотел привлечь к походу на Золотую орду и Московского князя Василия. В Москву для этой цели был послан смоленский наместник Ямонт. Но там разгадали коварные планы Витовта. И Московский князь ограничился посылкой в Смоленск своей жены для свидания с отцом и бояр с дружескими речами, а войска не дал. Витовт любезно принял их в Смоленске, богато одарил и в частности своей дочери дал икону богородицы Одигитрия, фамильную ценность потомков Мономаховых.

В 1399 году Витовт организует большой поход на татар. Но на реке Ворскле татары разбили войско Витовта, погибло много людей и в том числе герои Куликовской битвы князья Полоцкий и Брянский, доброхот Витовта князь Глеб и смоленский наместник Ямонт.

Ненависть к злому и вероломному захватчику Витовту была настолько велика, что, когда в Смоленске узнали о поражении литовских войск на реке Ворскле, были очень рады. Хотя поражение Витовту нанесли вековые враги русских — татары, но смоляне считали, что это божеская кара за его злодеяния в Смоленске (1395 г.).

Воспользовавшись ослаблением Литвы и власти Витовта, смоляне стали готовиться к свержению литовского ига. Новый наместник Литвы Брянский князь Роман со своими боярами не смог предупредить выступление смолян. Не помогли и всякие подарки, льготы, которые он давал по указанию Витовта смоленским боярам. Смоляне тайно послали в Рязань за князем Юрием Святославичем, пос-

ледним представителем большого племени Ростислава. В 1401 году к Смоленску пришел с дружиной князь Юрий. В городе вспыхнуло восстание, смоляне открыли ворота. И «князь Юрий Святославичь седе на Смоленску на своей отчизне». Наместника Литвы князя Романа «нужной смерти предаша», а доброхотов Витовта «бояр смоленских посекоша». Князь Юрий произвел основательную чистку города от предателей, приверженцев Литвы. Витовт опирался на те группы боярства, которые вели торговые операции с Западом и получали от Литовского князя разные льготы. Витовт не хотел примириться с потерей Смоленской земли, которая была ключом к Москве, обладая важными стратегическими и торговыми путями. Осенью 1401 года, уладив свои дела с немцами, Витовт с войском подошел к Смоленску и осадил его. Смоляне вооружились, женщины, старики и дети помогали воинам в отражении штурмов. Витовт, терпя неудачу под стенами города, свою злобу вымещал на окрестное население. Он «посекоша многих», разорил смоленские посады, церкви и монастыри. К Смоленску Витовт пришел с большим количеством пушек. Огнестрельное оружие в то время было технической новинкой и производило сильное впечатление. Но смоляне, хотя до этого и не встречались с пушками, не дрогнули, а мужественно сопротивлялись. Мало этого, они предпринимали даже вылазки и делали нападения на лагерь литовских войск. Один современник рассказывает любопытные эпизоды из этой битвы. Смоляне развешивали у стен крепости сети, в которые во время штурма, устроив вылазку, поймали 60 литовцев. Активная оборона смолян расстроила планы Витовта. В одну из вылазок смоленские воины неожиданно напали на литовский лагерь и дружным ударом внесли панику в войско врага, многих перебили и захватили пушки, лошадей и пленных. Это устрашило Витовта и заставило его снять осаду и уйти — «поиде в свою землю». На другой год польский король Ягайло и Витовт послали под Смоленск новые войска во главе со Скиргайло. Смоляне и ему дали должный отпор. Литовцы вынуждены были отступить, потеряв много людей. В 1403 году Витовт предпринимает третий поход к Смоленску, взяв с собой большое количество пушек. Своего двоюродного брата Лугвения Витовт послал захватить Дорогобуж и Вязьму, что и было сделано. Семь недель осаждало литовское войско город Смоленск. Как говорит

летописец, город обстреливали из пушек, предпринимали много штурмов — «Витовт же весну всю стояв, колико бився и труждався и пушками бив, неможа выстоять... бе бо Смоленск крепок вельми». Смоляне, возглавляемые хорошим полководцем князем Юрием стойко держались, успешно отражая штурмы и устраивая вылазки. Витовт пытался взять город с помощью своих агентов-доброхотов, организовывал заговоры, но смоляне во-время разоблачали интриги врага, и князь Юрий жестоко расправлялся с изменниками. Свою злобу за неудачу Витовт вымещал на жителях Смоленской волости, которых грабили, насиловали и убивали. Паны и шляхта, находившиеся в войске Витовта, устраивали охоту за крестьянами и толпами угоняли их к себе на родину, а там превращали в холопов и крепостных. Упорное сопротивление смолян и обострение отношений между Литвой и немецкими рыцарями заставили Витовта снять осаду Смоленска и вернуться в Вильно.

В Смоленске знали, что Витовт ни за что не откажется от захвата города, что он собирает силы, чтобы предпринять новый поход. Князь Юрий и его советники, сознавая свою слабость для борьбы с сильным в то время Литовским государством, за плечами которого стояла Польша, решил обратиться за помощью к Московскому князю. Князь Юрий с группой бояр поехал в Москву. Троицкий летописец рассказывает: «и потом князь Юрий, сослався со князем великим, и выеха из города не во многе дружине, а княгиню и бояры своя остави в Смоленске, а приказав им ждати себе на первый срок и на другий и на третий», то есть ожидать его обязательно, не считаясь со сроками. В это время в Москве князем был сын Дмитрия Донского Василий. Положение его было тяжелое — не прекращалась борьба с Золотой ордой, много хлопот доставляли и новгородские бояре. Все это заставляло Василия жить в мире со своим тестем Витовтом и избегать напряжения отношений с ним. Смоленский князь Юрий, прибыв в Москву, просил Василия защитить его от Витовта. Как рассказывает летописец, Юрий со слезами молил Василия о помощи. Юрий говорил, обращаясь к великому Московскому князю: «приими нас или защити, если он презрит твое ходатайство. Когда же не хочешь того, будь государем моим и смоленским. Желаю лучше служить тебе, нежели видеть иноплеменника на престоле Мономахова потомства».

Юрия поддерживали московские бояре, они помнили завещание Дмитрия Донского, выраженное в договоре с Тверью, помогать Смоленским князьям в их борьбе с Литвой. Василий дал согласие помочь смолянам, но скорой помощи не прислал. Агенты Витовта из смоленских бояр сообщили ему, что князь Юрий ушел за помощью в Москву и скоро может вернуться, а поэтому надо торопиться с захватом Смоленска. В Никоновской летописи говорится: «смоленстии баяре крамолу злу сотворише, послаша тайно к Витовту, глаголюще: скоро прийди под Смоленск... дондеже не приидет с Москвы кн. вел. Юрьи со многою силою московскою». Витовт, узнав об этом, поторопился притти к Смоленску с большим войском и осадил крепость. Осада длилась долго. Не подготовленные к длительной осаде, смоляне вскоре стали голодать, появились болезни. Они ждали помощи из Москвы, упорно сопротивлялись, но помощь все не шла. Изнуренные голодом и болезнями, смоляне изнемогали в борьбе. А доброхоты Витовта уговаривали прекратить сопротивление, обещая от его имени «милость и ласку». Обессиленные защитники города не выдержали. «Гражане же немогуще терпети глада и изнеможенья». Все летописцы указывают на тяжелые и невыносимые условия жизни в осажденном Смоленске — на «глад, изнеможенье и всякие истомы».

24 июня 1404 года литовско-польские войска захватили город. Витовт устроил жестокую расправу. Смоленских бояр и людей, «которые хотели князю Юрию добра, тых разведе и расточи, а иных на мучение преда». Жену и детей князя Юрия выслал Витовт в Литву в заточение, где они вскоре и погибли. Витовт превратил Смоленское княжество в провинцию Литовского государства. «Он посадил там своих наместников ляхов, и тем ляхам преда град Смоленск держати». Земли и имущество казненных и заточенных в тюрьмы бояр Витовт роздал «ляхам», то есть полякам и литовцам католического вероисповедания, чтобы тем самым создать себе прочную опору из новой нерусской знати. Даже своим агентам-доброхотам из русских бояр он не дал ни одного места, чем они были очень недовольны. Витовт был хитрый политик и действовал кнутом и пряником. Чтобы привлечь горожан, особенно купцов, на свою сторону, он дал городу магдебургское право — городское самоуправление. Своему наместнику приказал: «льготу многу чините смоленским людям, отводя их от князя Юрия».

Много бед претерпел последний представитель смоленских Ростиславичей. Витовт обратился к Московскому князю Василию с просьбой выдать Юрия. Князь Юрий, боясь быть выданным, бежал из Москвы в Новгород, где его встретили с большой радостью и дали в управление 13 городов. Тогда Витовт направил своих послов в Новгород, требуя выдачи Юрия. Новгородцы отказались, и Витовт угрожал им войной. Князь Юрий, узнав об этом, заявил новгородцам, что не хочет, чтобы из-за него проливалась русская кровь, и ушел из Новгородской земли. Он прибыл в Москву. К этому времени между великим князем Василием и Витовтом отношения испортились. Великий князь послал Юрия наместником в Торжок. Там на одном пиру в пьяном виде Юрий убил своего друга Вяземского князя и его жену. Он должен был бежать и некоторое время бродил в степях, а в 1407 году умер нищим-бродягой в одном пустынном монастыре в Рязанской земле.

Упорное преследование и стремление уничтожить последнего представителя смоленской династии объясняется не только жестоким характером Витовта. Главная причина этого упорства в преследовании была в том, что со смертью Юрия права на Смоленское княжество переходили к Витовту, который был женат на родной сестре Юрия — Анне. А закрепить за собой Смоленское княжество, подтвердить это какими-то юридическими правами Витовт хотел во что бы ни стало. История не много знала таких бездушных, беспринципных, аморальных людей, каким был Витовт. Он вероломен был до крайности, признавал и уважал только грубую силу, не гнушался никакими средствами в достижении своей цели, не считался ни с честью, ни с долгом перед своими близкими — женой, детьми. Жажда власти, могущества всецело захватила его. Устраняя Святославичей, Витовт забыл о том, что их родная сестра, а его жена Анна со своею служанкой-смолянкой спасли ему жизнь. В период борьбы с Ягайло Витовт вместе с отцом Кейстутом попал в плен. Ягайло решил уничтожить отца и сына. Кейстута слуги Ягайло задушили, а Витовт находился в другой крепости в подземелье, ожидая смерти. В это время к нему на свидание в подземелье была допущена жена Анна со служанкой. У Витовта созрел план спасения. Он поменялся одеждой со служанкой и вышел с женой из подземелья, обманув стражу. Обнаружив бегство Витовта, Ягайло зверски казнил служанку смолен-

ской княжны Анны. Другой раз Витовт, нуждаясь в союзе немецких рыцарей, дал им в залог своей верности малолетних сыновей, зная хорошо, что в случае нарушения союза дети будут убиты. Вскоре Витовт этот союз разорвал, и дети погибли. Витовт три раза менял религию и свое имя в зависимости от политических интересов. Нуждаясь в поддержке немцев, Витовт сменил язычество и принял католичество, потом сменил католичество на православие и принял имя Александр, затем снова сменил православие на католичество и принял его от поляков.

VI. ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА

После покорения Смоленска в 1404 году он в течение долгих лет оставался литовской провинцией. Почти десятилетняя борьба смолян против огромного Литовского государства, пользовавшегося поддержкой Польши, говорит о многом. Один из способнейших литовских князей—Витовт распоряжался очень крупными силами. Много мужества, храбрости проявили русские люди под Смоленском и на его крепостных стенах, тысячи и тысячи неизвестных героев-смолян сложили головы в борьбе за независимость своей родной земли. Смоляне не хотели покориться иноплеменнику, представителю реакционного католицизма, они тянулись под знамена нового русского центра—Москвы. Но сложившаяся политическая обстановка не позволяла великому князю Василию принять Смоленск в состав Московского княжества и начать за него тяжелую и долгую войну с Литвой.

Вскоре смолянам представился случай вписать навечно в историю еще одну героическую страницу: им пришлось снова встретиться с более злыми, коварными и жестокими врагами, чем литовско-польские феодалы,—с немецкими захватчиками псами-рыцарями. На прусских полях у селения Грюнвальд смоленские полки отстаивали независимость Литвы и Польши. Эта битва решила исход вековой борьбы литовцев и поляков с немцами. Немецкие завоеватели, пользуясь поддержкой (политической и материальной) римских пап, еще со второй половины XII века начали свои захваты в Прибалтике в низовьях Западной Двины, а после утвердились и в низовьях Немана и Вислы. Ловко пользуясь борьбой литовских феодалов с русскими,

разжигая эту борьбу, немецкие рыцари все крепче прибирали к рукам Прибалтику, расширяя свои владения. В 1343 году они окончательно завоевали Поморье, а в начале XV века, воспользовавшись отвлечением сил Литвы на покорение Смоленска, захватили Жмудь и таким путем отрезали Литву и Польшу от моря. Немецкая угроза была одной из основных причин союза Литвы с Польшей (Кревская уния). В начале XV века, после покорения многих русских земель, усилия Литвы и Польши были объединены для борьбы с немцами в Прибалтике. Если раньше свои захваты немецкие рыцари прикрывали насаждением христианства (католичества), то теперь этот фиговый листок был отброшен, так как Литва уже приняла католичество, а Польша издавна считалась верной дочерью римской церкви. Теперь немцы открыто посягали на национальную независимость Литвы и Польши. Началась так называемая «Великая война». Ненависть к жестоким и подлым немецким захватчикам была так сильна, что под знамена Витовта прибыло много русских полков, в том числе три смоленских. Польский король Ягайло привел тоже большое войско, состоявшее из поляков, чехов, моравов. Долго и упорно готовились немцы к решающей битве. Они собрали около 90.000 хорошо вооруженных воинов. Для того времени такое количество было колоссальным.

15 июля 1410 года между селениями Грюнвальд и Танненберг произошла встреча двух огромных армий. Правым крылом литовско-польских войск командовал Витовт, а левым, у поляков, командующим считался король Ягайло, фактически же боем руководил мечник Зындрама. В центре, на стыке литовцев и поляков, стояли три смоленских полка, которыми командовал молодой князь Мстиславльский Юрий Семенович. Во главе немецких войск стоял сам великий магистр Ульрих фон Юнгинген.

За три часа до полудня Витовт начал бой, бросив легкую литовскую кавалерию на левый немецкий фланг. Немцы огнем из пушек отбили атаку и сами перешли в наступление. Первый удар они обрушили на правый фланг, на литовцев, которые не выдержали натиска хорошо вооруженных и организованных рыцарей и бросились бежать. Не устояли также и поляки на левом фланге и после жестокой сечи дрогнули. Королевское знамя упало на землю. Немцы с пением победного гимна преследовали бегущих литовцев и поляков. В этот критический момент в центре,

где стояли смоленские полки, происходила кровопролитная битва. Смоляне выдерживали наиболее мощный немецкий удар. Передний смоленский полк был почти целиком изрублен, но никто не бросился бежать. Смоляне стояли на месте, не отступая ни на шаг, нанося врагу большой урон. В двух следующих полках немецкий центральный удар захлебнулся, и смоляне начали теснить немцев. Это заставило немецкое командование прекратить преследование поляков и литовцев и обрушить силы на центр. Польский хронист Длугош рассказывает: «В этом сражении лишь одни русские витязи из Смоленской земли, построенные тремя отдельными полками, только бились с врагами и не приняли участия в бегстве. Тем заслужили они великую славу. И если один из полков был жестоко изрублен и даже склонилось до земли его знамя, то два других полка отважно сражались, одерживали верх над всеми мужами и рыцарями, с какими сходились в рукопашную, пока не соединились с отрядами поляков». Это признание польского современника очень важно. Несмотря на свою пристрастность к полякам, он признал, что только смоленские полки устояли и даже одерживали победу над самой сильной частью немцев, над их центром. Когда же немцы прекратили преследование литовцев и поляков и силы повернули к центру, тогда поляки оправились и начали наступать на правый фланг немцев с угрозой охвата. Витовт собрал свои полки, перестроил их и ударил по левому флангу немцев, а также организовал диверсию по немецким обозам и тылам. Немцы были зажаты в клещи. Брошенные в бой немецкие резервы во главе с самим великим магистром уже не смогли спасти положение. Много немцев было убито. Длугош говорит, что немцев погибло 50 тысяч. Убит был и великий магистр. Оставшиеся в живых немцы бросились бежать, но их «избивали как псов, кого не убили, тех утопили в болотах. Столько было пролито крови, что она,—рассказывает современник,—доходила до животов коней». Это, бесспорно, преувеличение, но оно образно рисует кровопролитную битву.

Разгром немецких рыцарей под Грюнвальдом имеет большое историческое значение. Он сказался на всех последующих событиях в Прибалтике и на историческом развитии Литвы и Польши. В этой битве не только была спасена независимость Польши и Литвы, но она определила исход борьбы с немецкими рыцарями, которая завер-

шилась тем, что Польша, вернув Поморье, а Литва — Жмудь, получили выход к морю, а рыцарский орден потерял свое самостоятельное значение — сделался вассалом Польши.

На Грюнвальдском поле смоленские полки покрыли себя вечной славой. Не случайно Витовт их поставил на самое опасное и самое ответственное место (на стыке между литовцами и поляками) — в центр, на который рыцари, как правило, направляли самый сильный и бронированный кулак, стремясь разорвать противника и потом добивать его по частям. Витовт много раз на собственной шкуре испытал упорство, устойчивость и воинскую доблесть смолян. И эти качества еще раз были блестяще проявлены под Грюнвальдом. Правда, смоленские полки дрались за независимость чужих и даже угнетавших их государств, но ненависть к немецким рыцарям была гораздо острей, чем к литовско-польским феодалам. Кроме этого, в битве сказалась воинская закалка, нежелание показывать противнику спину. Лучше геройская смерть в бою, чем жизнь с позором в плену, а смоленским полкам угрожало пленение после того, как немцы смяли правый и левый фланги.

Доблесть смоленских воинов в Грюнвальдской битве не померкла и в дни героической борьбы советского народа с озверелыми потомками немецких рыцарей — германскими фашистами.

VII. ВЕЛИКАЯ ЗАМЯТНЯ

(Восстание смолян против польско-литовского ига в 1440 году)

Непрерывные войны, которые вела Литва при великом князе Витовте, требовали больших расходов. Правда, Витовт, устраняя местных князей и заменяя их своими наместниками, княжеские доходы и имения брал себе, что значительно пополняло его казну. Но этого нехватало для покрытия растущих нужд. Поэтому Витовт начинает увеличивать налоговое бремя на широкие слои населения. После смерти Московского князя Василия на престол вступил его малолетний сын, на власть которого покушался дядя его Юрий. Это напряжение отношений в Московском княжестве развязало руки Витовту в восточных русских районах и в том числе в Смоленске. Политика пряника вытесняется грубым командованием и репрессиями. К гнету экономическому и политическому прибавляется

ущемление религии. Витовт стремится вырвать русские епископии, и в том числе Смоленскую, из-под власти московского митрополита, а русскую православную церковь подчинить римскому папе. После Городельской унии с Польшей (1413 г.) в Литве резко усилилось влияние феодалов-католиков, которые были освобождены от ряда повинностей и получили исключительные права на государственные должности, а феодалы-православные лишились этих прав. Все это вызывало недовольство в русских районах и ярко проявлялось в Смоленске, где еще со времени захвата города (1404 г.) все чиновники были из «ляхов», то есть из католиков. Сила и влияние Витовта сдерживали недовольных, но зато его смерть (1430 г.) явилась толчком к выступлениям. Русские бояре восточных областей подняли восстание и самостоятельно великим князем Литвы провозгласили Свидригайло (сына Ольгерда), православного по вероисповеданию. Витовт в свое время изгнал Свидригайло, и тот скитался в Молдавии. Там его разыскали русские посланцы. В это время Свидригайло в Молдавии пас скот.

Центром восстания русских бояр сделался Смоленск. Свидригайло отменил исключительные права католиков и на любые должности назначал православных бояр. Из Смоленска Свидригайло предпринимает поход в Литву. Но вечно пьяный, грубый и страдавший манией преследования, Свидригайло не мог добиться победы над своими противниками—литовско-польскими панами. Их ставленник Сигизмунд Кейстутович (брат Витовта) по внушению хитрых радных панов издал указ в 1432 г., которым предоставил известные права православным боярам в русских районах, тем самым подорвав социальную базу Свидригайло, что и решило его участь. Развязав себе руки, Сигизмунд, идя на поводу польско-литовских панов, издал указ о новых привилегиях для католической шляхты. Этим указом им была гарантирована неприкосновенность личности — без суда великий князь не мог карать панов и шляхту, он же освободил их имения от натуральных повинностей. Расходы государства на вооружение, на наем войска все время возрастали, а освобождение панов и шляхты от натуральных повинностей образовало большую брешь в господарской казне. Отсюда естественно стремление к значительному увеличению налоговых поступлений с горожан (купцов и ремесленников). Безвольный, трусливый

и бездеятельный Сигизмунд (прямая противоположность брату Витовту) почти безвыездно жил в своем замке, отдав государство на произвол жадных до наживы панов и наместников. Злоупотребления, воровство, вымогательства пышным цветом расцвели во всех городах. Смоленский наместник Ян Гаштольд, его помощник Андрей Сакович и комендант крепости пан Петрика всячески притесняли смоленских горожан. Даже польский летописец должен был признать, что Сакович — «сребролюбив» и чинил людям всякую тяготу. От общего неустройства в государстве, вызванного тайным и явным грабительством, дезорганизацией в управлении, нарушалась обычная экономическая жизнь, что также тяжело отзывалось на делах купцов и ремесленников Государственные налоги возросли до огромных размеров и в городе всем своим грузом ложились на плечи так называемых «черных людей» — различного рода ремесленников, мелких торговцев. В Смоленске скопилось много католической шляхты, которая была свободна от государственных повинностей, что усиливало налоговой гнет на горожан. Кроме этого, паны и шляхта в Смоленске допускали прямые захваты чужих земельных угодий и в том числе городских.

В Смоленске образовались и откристализовались два лагеря: аристократия — паны и шляхта, возглавляемые литовской администрацией, преимущественно иноземцы-католики, и другой лагерь — смоленские люди (торговцы, ремесленники, ямщики, чернорабочие), исключительно русские и православные. Злоупотребления и издевательства литовской администрации и панов создали напряженную обстановку, недовольство и возмущение нарастали. Нужен был толчок, чтобы чаша терпения переполнилась. Многие старики еще помнили Смоленск до литовского покорения, они были свидетелями, а некоторые участниками 10-летней героической борьбы с Витовтом, помнили кровь казненных русских людей. Они же познали тяжкую долю под владычеством литовских панов. Наместник Ян Гаштольд ранней весной 1440 года уехал на совещание в Литву, оставив наместником ненавистного для смолян пана Андрея Сакевича. Вскоре произошло убийство великого литовского князя Сигизмунда, организованное литовской знатью во главе с братьями Чарторийскими. Слух об убийстве князя явился толчком к восстанию в Смоленске. Смоляне прежде всего «черные люди», то есть ремесленники на

али совещаться — «здумали черные люди раду собе», как тложиться от Литвы и сбросить господство иноверцев. е сохранилось упоминание о том, связывались ли смоляне с Москвой. По смыслу летописных источников смоляне должны были искать помощи в Москве, так как нали, что придется выдержать тяжелую борьбу с Литвой. они помнили упорство Витовта — пять его походов под Смоленск. Ремесленники, или, как их называли современники, «черные люди» давно готовились к восстанию, так как есть упоминание, что они сами себе сделали оружие. Сигизмунда убили в вербное воскресенье, а восстание началось в среду на пасхальной недели. Местом сбора назначили площадь у церкви Бориса и Глеба. Стратегически это место для сбора было крайне невыгодно — оно находилось против княжеского дворца, который литовцы превратили в замок, и там помещалась литовская администрация и сам Андрей Сакович. Собираться на виду у противника дело очень рискованное. Выбор данного места объясняется разными причинами: во-первых, на Руси и особенно в Смоленске почитали «святых мучеников» братьев Бориса и Глеба, церковь их имени была построена на месте убиения князя Глеба. Их считали покровителями и заступниками русских людей в борьбе с иноверными захватчиками. В тяжелую минуту русские полководцы призывали их на помощь (Александр Невский, Дмитрий Донской и др.). Собираться на ратное дело в Смоленске против злых католиков-иноверцев и не прибегнуть к помощи заступников воинов Бориса и Глеба для людей того времени было нельзя. Сбор восставших у церкви Бориса и Глеба объясняется еще и тем, что на Смядыни в то время был самый большой посад, где жило много черного люда – ремесленников, грузчиков, торговцев. Сигналом сбора должен был послужить удар в вечевой колокол.

В среду на пасхальной неделе 1440 года зазвонил колокол. Черные люди, вооружившись, спешили к церкви Бориса и Глеба. Наместник Андрей Сакович, узнав о восстании, собрал панов, бояр и просил их совета. Они ответили: «Вели, пан, дворянам своим в сброи убираться, а мы с тобою! Ужели лучше для тебя даться в руки черни?» Из этого ответа видно, что при обсуждении Сакович колебался в выборе приемов действий. Возможно, он хотел миром, уступками устранить восстание, но паны и бояре упрекали

его — «ужели лучше для тебя даться в руки черни». Сак
вич колебался еще и потому, что знал о всеобщем нед
вольстве русских людей города, о их многочисленности
слабости литовско-польского гарнизона. Он хотел выигра
время, чтобы получить подкрепление. Но самоуверенност
панов и бояр, их твердая настойчивость заставили Саков
ча применить на первых порах грубую силу. Он надеял
быстрой и жестокой расправой устрашить и смирить см
лян. Но тех, кто десять лет сопротивлялся большим армия
Витовта, тех, которые мужественно громили хорошо во
руженные войска немецких рыцарей под Грюнвальдом, з
пугать было невозможно. Правда, первоначальная атака ко
ных воинов и дворян Саковича на еще не собравшихся см
лян у церкви Бориса и Глеба принесла ему успех. Мно
людей посекли, ранили. Но первая неудача никогда у ру
ских людей не парализовывала волю к борьбе, не вызыв
ла упадка духа, а наоборот, закаляла, ожесточала и удес
теряла силы. Так же было и в среду на пасхальной нед
ле 1440 года в Смоленске. Весть о побоище русских лю
дей «ляхами», иноверцами вызвала всеобщее восстание в
всех посадах. Всяк, кто мог носить оружие, становился
ряды борцов. Ночь на четверг прошла в усиленной подго
товке к битве. Сакович знал об этом, и его трусливая ду
ша не выдержала. Захватив жену с детьми, Сакович тайко
от своих панов ночью бежал из Смоленска На другой ден
смоляне захватили крепость, в битве истребили значител
ную часть гарнизона, а остальных пленили. Взяли в пле
также и коменданта крепости маршалка Петрыку. Над ни
устроили суд по вечевым правилам. Народ единодушно реши
этого кровопийцу утопить в Днепре, что и было сделано

Смоляне, освободив город, начали готовиться к обо
роне, зная хорошо по опыту прошлого, что литовские фео
далы не оставят их в покое. Первое, что им нужно было
это — найти хорошего полководца. Решили пригласить вое
водой русского князя Андрея Дорогобужского. Послали к
нему выборных бить челом, но князь Андрей отказался
Причины неизвестны. Возможно, он не верил в успех вос
стания и боялся мести Литвы. То, что смоляне приглаша
ли Андрея быть только воеводой, а не владетельным кня
зем, говорит об отсутствии у них сепаратистских стремле
ний. Они не помышляли о восстановлении независимого
Смоленского княжества, а считали себя только частью на
чавшего создаваться Русского государства. Не исключена

возможность, что смоляне обращались за помощью к Московскому великому князю. Правда, в это время Московское княжество переживало тяжелый период. Там велась борьба князя Василия II со своими двоюродными братьями за великокняжеский стол. Незадолго перед восстанием смолян великий князь, захватив в плен своего двоюродного брата Василия Косого, ослепил его. Брат Василия Косого, Дмитрий Шемяка, пылал местью и готовился к борьбе с Василием II. Кроме этого, Москве угрожал внук татарского хана Тохтамыша Улу-Мухамед. В этой политической обстановке Василий II не мог нарушить договор 1408 года, заключенный между его отцом и Витовтом, по которому Смоленск и ряд волостей до реки Угры отошли к Литве. Поэтому смоляне были предоставлены самим себе. Им пришлось искать помощи в другом месте. Они обратились к своим соседям — жителям Витебска и Полоцка. Там тоже было сильно возмущение господством польско-литовских панов.

Смоляне отправили послов в город Мстиславль к князю Юрию Семеновичу (Лугвенивичу). Обращение это не случайное. Князь Юрий Семенович, во-первых, был православный, а во-вторых, он командовал смоленскими полками под Грюнвальдом и завоевал себе славу хорошего полководца. Юрия пригласили уже не в качестве воеводы, а князем. Иначе он бы не пошел, — ведь Юрий был внуком литовского князя Ольгерда, двоюродным братом польского короля Владислава. Юрий прибыл в Смоленск со своими православными боярами. Вскоре к восставшему Смоленску присоединились Витебск и Полоцк. Князь Юрий приказал заковать «в железа ляхов», то есть панов и бояр, плененных при восстании. Имущество и земли их роздал своим боярам. Смоленск готовился к борьбе.

В Литве радные паны спешили укрепить власть, посадить на великокняжеский стол выгодного для себя князя из династии Ягайло. Выбор их остановился на младшем несовершеннолетнем сыне его Казимире. Но польский король и польские паны противились этому. Они не хотели дать Литве самостоятельного князя, а намеревались включить Литовское княжество с огромными русскими областями в состав Польши. Литовские радные паны обманули поляков. Во время одной охоты литовские аристократы выкрали Казимира, привезли в Вильно и тайно короновали на великое княжение. Польские паны и король Владислав после взрыва негодования вынуждены были примириться с

совершившимся фактом тем более, что волна национального восстания в русских областях грозила вызвать катастрофу. Все внимание литовского правительства было обращено на подавление восстания в Полоцке, Витебске и особенно в Смоленске. В том же 1440 году предпринимается поход на восток. С войском отправился и Казимир. В Полоцке и Витебске восстания были ликвидированы без особых напряжений.

Литовское войско подошло к Смоленску. Попытка смирить смолян уговорами ни к чему не привела. Угрозы тоже не дали результатов. Начали обстреливать город, пытались штурмовать, но смоляне упорно сопротивлялись. Пришлось литовско-польскому войску удалиться, предварительно разграбив и разрушив смоленские посады, особенно Смядынский — место, где началось восстание.

На следующий год предпринимается новый поход к Смоленску. Князь Юрий Семенович, узнав, что Казимир с большим войском направляется к Смоленску, тайно бежал из города в Москву. Смоляне, брошенные князем, остались без военного руководства. Начались распри, неурядицы. Агенты врага стремились подорвать волю защитников к сопротивлению. Литовское войско обложило со всех сторон Смоленск, который из-за неурядиц оказался не подготовленным к обороне. Начался голод, а с ним болезни, которые выводили из строя многих защитников. Артиллерийский обстрел вызывал пожары. В конечном итоге войска Казимира штурмом овладели крепостью. Начались массовые избиения русского населения. Много церквей и монастырей разорили, дотла разрушили Смядынский посад, после чего он уже не был восстановлен. Впоследствии экономическая жизнь города стала развиваться за Днепром.

Вместе с войском в Смоленск вернулся «злой сребролюбец» пан Сакович, который теперь особенно лютовал. Город основательно обезлюдел. В Смоленске насаждали не только феодалов-католиков, но и купцов стремились привлечь из Литвы и Польши. Началась усиленная колонизация. Смоленск как ключ-город литовское правительство, стремясь во что бы ни стало оставить за собою, тщательно укрепляло его во всех отношениях: и в национально-религиозном и в военно-техническом. Казимир подолгу, иногда годами жил в Смоленске. Смоленская крепостная стена подверглась основательной переделке и усовершенствованию. Внутри крепости построили новый замок (на Вознесенской горе) — крепость.

Но вытравить у оставшихся в живых смолян жажду свободы, тягу к своему русскому центру — Москве никаким Саковичам не удалось.

Польские современники-хронисты, чтобы оправдать жестокости при подавлении восстания, а также суровую колонизаторскую политику литовского правительства, стремились показать борьбу смолян, как бунт черни, замазывая национально-освободительный характер восстания 1440 года. Если бы восстание 1440 года, которое носит название «Великой Замятни», было «бунтом черни», то для чего смоляне искали себе воеводой князя Андрея и пригласили к себе князем Юрия вместе с его боярами? Смоляне казнили только одного Петрыку, а уже князь Юрий казнил некоторых старых бояр и их имущество роздал своим боярам. Смоляне даже имущество арестованных ими бояр не разграбили. Мог ли внук Ольгерда, двоюродный брат польского короля, князь Юрий стать во главе «бунтующей черни»? Как известно, Витовт, захватив Смоленск, русских, православных бояр и чиновников заменял, как наши летописцы говорят, «ляхами». Под ляхами понимали не только поляков, — их как раз Витовт привлекал неохотно, — а всех лиц католической веры, в том числе в прошлом и русских, сменивших православие на католичество. Таким образом, после Витовта в Смоленске паны и бояре были в большинстве своем католики, иноверцы, а народная масса — торговцы, ремесленники, чернорабочие остались сплошь русскими и православными. Значит, борьба велась русскими, а это значит — в своем большинстве ремесленниками против гнета иноземцев и иноверцев-католиков, а ими были чиновники, дворяне, паны и бояре.

Залитый кровью и разрушенный Смоленск на многие годы был включен в состав Литвы и долго ждал часа освобождения.

VIII. ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА СМОЛЕНСКА (1609 — 1611 г.г.)

Вступление

Окрепнув и возмужав, Московское государство в 1514 году вырвало Смоленск из цепких лап литовских панов. В течение XVI века Литва при поддержке Польши несколько раз пыталась снова захватить Смоленск (поход воеводы Острожского в 1514 году, набег армии А. Вишневецкого

в 1535 году, Станислава Гиковского в 1568 году и Филона Кмита в 1579 году). Все эти попытки кончились для литовцев и поляков неудачей. Но они не успокоились, не хотели примириться с потерей Смоленска.

Польский король Стефан Баторий, отражая интересы наиболее захватнически настроенной польско-литовской знати, еще при вступлении на королевский престол обещал римскому папе Сикусту V провести в лоно римской церкви население Московского государства. В крайнем случае Стефан Баторий надеялся захватить Смоленскую и Северскую земли. Хотя и было заключено перемирие, но Польша продолжала готовиться к новой войне с Москвой. В 1584 году умер Иван IV, и Стефан Баторий решил воспользоваться начавшейся борьбой в среде бояр, чтобы попытаться вырвать Смоленск путем угроз и шантажа. С этой целью посылается в Москву наиболее заядлый захватчик — Лев Сапега. Вместе с этим Стефан Баторий начал готовиться к походу, но по настоянию делегатов западных областей польский сейм отказал в налогах на наем войска. Поездка Льва Сапеги в Москву не принесла желанных результатов. Польское правительство вынуждено было направить в Москву «больших» послов.

Их глава Гарабурда заявил, что «за Смоленск и Северскую землю государю нашему стоять крепко». Но домогательства польских послов не получили удовлетворения, и они уехали ни с чем.

Стефан Баторий продолжал усиленно готовиться к войне. Смерть его последовала в 1586 году и надолго отложила реализацию польских захватнических планов на востоке.

Предвыборная борьба кандидатов в короли втянула Польшу в международные осложнения. После воцарения на польском престоле шведского королевича Сигизмунда (племянника последнего польского короля из династии Ягайло) отношения между Польшей и австрийским императором оказались напряженными, так как его кандидат на польский трон потерпел неудачу. Польское правительство вынуждено было искать мира с Москвой. Туда прибыли польские послы (1590 г.), которые снова домогались получить Смоленск, много спорили, мира не заключили, а опять подписали перемирие на 12 лет.

После смерти шведского короля на шведский престол

вступил его сын Сигизмунд, польский король. Польские паны мечтали направить против Москвы соединенные силы Польши и Швеции, но эти мечты должны были развеяться впрах. Шведское протестантское дворянство не желало иметь королем ярого католика. Кроме этого, шведы не соглашались отдавать Польше Эстонию, которую обещал польским панам Сигизмунд при коронации. Вскоре его в Швеции свергли с престола. Польское правительство вместо объединения сил двух государств получило войну со Швецией в Прибалтике. Это заставило Сигизмунда сменить злобный оскал в отношении Москвы на заискивающую улыбку. Снова в Москву в качестве специального посла прибыл Лев Сапега. Он предложил заключить военный, а в будущем династический союз Польши с Московским государством, но за это требовал Смоленска и части Северских земель. Правительство Бориса Годунова знало о трудностях Польши и в свою очередь за мир потребовало Ливонию. Снова заключили только перемирие.

Придавая исключительное значение Смоленску, как важнейшему стратегическому пункту (ключ-город), правительство Бориса Годунова в 1596 году приступило к постройке Смоленской крепостной стены. Шесть лет строилась твердыня русского государства на западе. Ее Годунов назвал ожерельем Московского государства. Была возведена крепость, каких не знала Европа в те времена — 5 верст 80 саженей длиною, 7 саженей высотою и 2½ сажени шириною.

Через девять лет Смоленской крепости пришлось испытать сильные удары армии, оснащенной лучшими техническими средствами того времени. Польские паны не думали отказаться от обладания Смоленском. Они выжидали только удобного случая.

В конце XVI и в начале XVII веков Московское государство переживало тяжелое время, которое современники назвали «смутным».

После смерти бездетного царя Федора, сына Ивана Грозного, началась упорная борьба различных боярских групп за власть, что резко сказалось на мощи Московского государства. Небывалый, почти трехлетний неурожай (1601—1603) вызвал в стране страшный голод и обострил противоречия между закрепощенными крестьянами—холопами и феодалами — помещиками и боярами.

Вспыхнуло крестьянское восстание. Польские паны жадно поглядывали на слабеющее Московское государство, но, многажды битые, сразу ринуться в поход побоялись.

В Польше организовали авантюру с самозванцем, стремясь разжечь борьбу в Московском государстве и тем ослабить его.

Поход первого самозванца (1604—1606) на Москву, принеся им вначале успех, закончился избиением поляков в Москве.

Польские паны не унялись, и в 1607 году организовали поход второго самозванца, но этому самозванцу не удалось даже побывать в Москве.

Правда, эти походы основательно подорвали силы Московского государства.

Польскому правительству и королю Сигизмунду III показалось, что настало удобное время нанести последний удар и покорить Московское государство.

В 1608 году Сигизмунд III приступил к подготовке похода на Москву.

В начале сентября 1609 года он выступил, стараясь итти на Москву прямым путем через Смоленск.

Королю удалось собрать относительно небольшое количестно войска. Вначале с ним было различных войсковых подразделений около 12 тысяч человек, из них пехоты около 5,5 тыс., гусар — 3,5 тыс., казаков — 1,5 тыс. С королем шли многие паны, например, — литовский канцлер Лев Сапега с собственным полком, гетман Жолкевский с полком, князь Христофор Збаражский, маршал Дорогостайский, а также несколько кастелянов—варшавский, перемышльский, краковский, каменецкий и ряд старост — сандомирский, белокаменецкий, брацлавский, хемльницкий, велижский и др. Впоследствии подошло много различных отрядов, и в распоряжении короля оказалась почти 30-тысячная армия. При ней была наемная пехота из немцев и венгров в количестве 1130 человек под командованием Вайера. Недостаток средств не позволил королю довести численность ее до 5 — 6 тыс., как это предполагалось.

5 сентября король прибыл в Оршу. В Орше ему пришлось задержаться до 16 сентября. Эта задержка была вызвана тем, что, во-первых, ожидали подвоза артиллерии полевой и осадной, и, во-вторых, ожидали подхода войск брацлавского воеводы, которые только 4 сентября вышли из

Добрынска к Могилеву, а оттуда через Петровичи двигались к Орше. Маршевые планы явно срывались. В Орше в королевскую ставку привели пленного смолянина, который и подтвердил прежде полученное известие, что в Смоленске годных к бою только 200 бояр и 300 стрельцов.[1]

16 сентября королевская ставка отправилась в Дубровну. На другой день король вступил в Ивановичи, где было устроено совещание и принято решение перейти границу, не дожидаясь поляков, идущих с брацлавским воеводой. Король со ставкой замедлит движение, а гетман со своим полком, артиллерией и литовский канцеляр со своими войсками перейдут границу и направятся к Смоленску, чтобы неожиданным ударом захватить крепость. 20 сентября из Баево, за подписями короля и гетмана, был послан жителям Смоленска универсал, в котором иезуит-король прикинулся другом русских, болеющим о разорениях и невзгодах в Московском государстве. Король обещал сохранить греческую веру, русские обычаи и имущество населения, если сдадутся ему, в противном случае грозил, что будут уничтожены сами, жены, дети и имущество. Этот мотив преобладал и в агитации польских агентов в самом Смоленске, где они рассказывали о несметной силе войск, которые ведет король, о страшных заморских пушках и т. д.

Передовые части, ворвавшись на русскую территорию, грабили, жгли, насиловали и толпами угоняли крестьян. Это приняло такие размеры, что король, боясь обезлюдивания Смоленских земель, которые должны были поступить в фонд короны, пытался несколько ограничить свою не в меру ретивую шляхту, но это ни к чему не привело.

23 сентября Сигизмунд прибыл в Красный, уже разграбленный частями Льва Сапеги и Жолкевского. В Красном 15 сентября король получил от своего посла устный ответ смолян на универсал. Смоленский воевода Шеин сказал послу, что «если в другой раз придешь с такими делами, то напоим тебя водой, т. е. утопим».[2]

26 сентября передовые части литовского канцлера подошли к Смоленску, имели стычку с русскими и должны были отступить, захватив около города пять человек мирных жителей.

29 сентября король прибыл в Лубно. Отсюда гетман

---

[1] „Русская историческая библиотека", 1872, т. I, стр. 433.
[2] Там же, стр. 440.

выехал к крепости, чтобы осмотреть местность и определить, как расположить войска.

Только 29 сентября смоляне убедились, что идет не очередной польский отряд, а армия с самим королем. В тот же день Шеин собрал посадских людей, чтобы решить вопрос, как быть с постройками на посаде за Днепром. Когда Шеин заявил, что защищать крепость и посады невозможно, смоляне решили пожечь свои дома, чтобы враг ими не воспользовался. В этот же вечер, поставив заслон около острога и церкви у Пятницких ворот, смоляне «начали жечь предместье, не щадя даже церквей». Польские отряды уже заняли посады на западной стороне и помешали уничтожить там строения.

Горел большой для того времени городской посад из 6000 домов. Из Лубно, где помещался польский штаб, король видел огромное зарево и посылал проклятия «грубому медвежьему народу», устроившему его величеству такую грандиозную иллюминацию. Смоленские ремесленники, ямщики и слобожане оставались без крова, теряли имущество, обрекали себя после осады на лишения, но не хотели предоставить врагу готовые квартиры. Такой встречи король не ожидал.

Первые девять месяцев осады

30 сентября король со штабом переехал под Смоленск. К вечеру имела место стычка смолян с немецкой пехотой, которая хотела помешать сжечь деревянные спуски от крепости к Днепру. С обеих сторон были убитые.

После вторичного осмотра местности король и гетман решили вести штурм с восточной стороны, где местность позволяет удобнее подойти к крепости.

Польские войска расположились следующим образом: между тремя монастырями — Троицы на Кловке, Спаса на Смядыни и Богородицы — устроили укрепленный лагерь, где разместились главные силы и штаб короля и гетмана Жолкевского. На Спасской горе установили батарею легких орудий, чтобы стрелять через стену крепости по городу. Немецкая пехота Вайера заняла шанцы, вырытые вблизи стены с западной стороны. За Днепром, на Покровской горе, расположилось лагерем войско Потоцких. Впоследствии в это размещение вносились незначительные изменения за счет прибывавших новых отрядов.

В этот же день около двух ворот поляки захватили «великое множество народа со скотом». [1] Это были крестьяне Смоленского уезда, которые пришли в осаду, но им не удалось пробраться в крепость.

Из крепости смоляне стреляли по передвигающимся польским частям. Польский хроникер должен был признать, что «русские часто, однако, стреляют и из порядочных орудий». [2]

После неудавшихся попыток захватать крепость 26 сентября неожиданным налетом, а 29 сентября уговорить смолян к сдаче, припугнув их многочисленным войском, пришедшим во главе с самим королем, польское командование срочно стало готовиться к штурму.

Из тактических приемов следует указать на следующие: 1) штурмы предпринимались ночью или на рассвете, чтобы, пользуясь темнотой, меньше подвергаться поражениям со стороны многочисленных крепостных пушек; 2) атаку вели одновременно в нескольких местах и прямо противоположных, чтобы не дать смоленским воеводам сосредоточивать максимум сил на опасном участке, снимая их с других мест. Этот тактический прием исходил из учета явного недостатка в крепости воинов; 3) каждой атаке предшествовал усиленный обстрел крепости раскаленными ядрами, рассчитанный на то, чтобы вызвать пожары и тем самым посеять панику, растерянность и отвлечь защитников на тушение пожаров; ночные пожары особенно опасны и всегда сопровождаются большим переполохом, что имело место и в Смоленске; 4) штурмовали, как правило, предварительно разрушенный участок; разрушение производили на первых порах петардами, а потом осадными пушками и подкопами; 5) к тактическим приемам осады можно отнести и моральное воздействие на защитников крепости в целях ослабления их сопротивляемости. Эти приемы были самыми разнообразными: а) уговоры (письменные и устные) путем присылки королевских грамот, универсалов и выступлений под стеной изменников из смолян, которые убеждали сдать крепость; б) разлагательная агитация королевских агентов и «доброхотов» внутри крепости, уговоры пойти под «королевскую руку», обещания наград, подарков, сеяние разных слухов о поражениях русских, о

[1] „Русская историч. библиотека" 1872 г., т. I, стр. 447.
[2] Там же, стр. 448.

смерти царя, победах поляков, игра на лишениях и тяготах; в) организация заговоров с широкой вербовкой участников и с подготовкой прямого выступления против людей, преданных родине; г) подготовка диверсионных актов — особенно взрыва пороховых запасов; д) активный шпионаж и вредительство; е) разложение дисциплины; ж) провокация выступлений недовольных. Вот далеко не полный арсенал приемов тогдашней польской разведки.

За долгий, свыше чем двадцатимесячный, период осады поляки применяли все перечисленные тактические приемы. Но первое время они предполагали взять крепость штурмом.

В донесении архиепископа Сергия относительно первого штурма говорится так: «Сентября против двадцать пятого числа, в ночи, приступали в трех местах — в Пятницком конце, да к Копыцким, да к Аврамьевским воротам, и Копыцкие, государь, и Аврамьевские ворота литовские люди злым умышлением, подкрадчись, прислонили к воротам на досках медные болваны с зельем, зажгли и Аврамьевские и Копыцкие ворота зельем проломили».[1] К Копыцким воротам петарду ставили немцы Вайера, к воротам Авраамиевским устанавливал петарду инженер Шембек, а Новодворский должен был обеспечить атаку взорванных ворот. Ночью полякам удалось подкрасться к воротам незамеченными и поставить петарды. Первая петарда произвела слабое действие, но зато Авраамиевские ворота были разрушены основательно и проход полякам был открыт. После оглушительного взрыва защитники зажгли на стене факелы и осветили наступавшую немецкую и венгерскую пехоту. Это позволило пушкарям открыть огонь. Два раза врывались поляки в ворота и оба раза смоляне в рукопашной схватке отбрасывали их за стену. Польский хронограф старается неудачу атаки объяснить тем, что трубачи убежали от Новодворского. По польским сведениям, явно преуменьшенным, в атаке на Авраамиевские ворота «погибло около 10 человек немецкой и венгерской пехоты, а раненых камнями и выстрелами было до 70». Немедленно у Авраамиевских ворот смоляне возвели укрепления.

На следующую ночь, «желая поправить неудачу», поляки предприняли новую атаку. Снова их командование бросило в дело свои лучшие части, наемные войска и

[1] „Акты исторические", т. II, стр. 316

прежде всего — немецкую пехоту. Но эта атака ограничилась ударом по острогу в Пятницком конце. И на этот раз поляки потерпели неудачу.

Готовился новый большой штурм. Немецкая и венгерская пехота старались загладить свой провал. Ночью с 6 на 7 октября начался штурм со стороны Днепра. Объектами нападения служили большие Днепровские, или Фроловские ворота и ворота Пятницкие.

Здесь поляки напали на укрепленные шанцы и остроги, которые прикрывали ворота. Им удалось, пользуясь темнотой, накопить большое количество сил у шанцев. Они незаметно подобрались к укрепленным постройкам у Днепровских ворот и зажгли эти постройки. Смолянам пришлось спешно отступить в крепость. Кнехты пытались вслед за отступающими ворваться в ворота, но стрельба из пушек и ружей повернула их назад. Так окончилась попытка поляков добыть крепость приступами. Трофеи были бедные — один поп и стрелец.

В первый период осады приказы Шеина о явке всех по росписи нарушались. Богатые часто отлынивали от несения караульной службы и дежурства на стене и башнях, нанимали за себя нуждающихся ремесленников и крестьян. Собственники домов иногда принуждали ходить в караул своих жильцов. Таких случаев в донесениях зарегистрировано много.

Перед штурмом польские агенты и «доброхоты» должны были произвести очень важную диверсию: поджечь порох, который хранился в подвалах Мономахова собора, но заговор во-время был обнаружен и одного из участников поймали, пытали и, как утверждает польский хронограф, он выдал других (четырех) своих участников. [1]

Ночью 8 октября против Богословской башни были вырыты шанцы, и поляки поставили там батарею осадных пушек. Этой батареей предполагали разрушить хорошо вооруженную Богословскую башню. Из этой башни смоляне стреляли по королевскому лагерю, чем причиняли большое беспокойство «его величеству». Богословская башня, располагая одной дальнобойной (двухсаженной) пушкой, свободно посылала «подарки» в лагерь польского командования — короля и гетмана Жолкевского.

С 9 октября начался усиленный обстрел Богословской

[1] „Русская историч. библиотека", 1872, т. I, стр. 453.

башни и острога у Пятницких ворот. К вечеру в верхнем бое башни были произведены небольшие позреждения. Ночью литовский канцлер установил батарею у Днепра на месте сожженного посада и утром открыл стрельбу по городу, причем одно ядро попало в дом воеводы Шеина.

Несколько дней поляки вели интенсивный обстрел с трех точек — со стороны Спасской горы и из-за Днепра били по городу преимущественно ядрами, а со стороны реки Чуриловки громили Богословскую башню осадными пушки.

Через два дня от частой стрельбы в нескольких осадных пушках (батарея Вайера) наметились расколы. Некоторые пушки вышли из строя. Однако литовский маршал снова приказал усилить обстрел города, чтобы вызывать пожары. Смоляне отвечали частой стрельбой и в то же время тщательно своевременно заделывали пробоины в верхнем бое Богословской башни. Вокруг этой башни был вырыт окоп.

Ночью 12 октября поляки вырыли шанцы у самой крепости, где установили мортиры для стрельбы раскаленными ядрами по городу. Целый день 13 октября обстреливали город. Ночь с 13 на 14 смоляне почти не знали покоя — продолжался интенсивный обстрел крепости раскаленными ядрами. В нескольких местах начались пожары, но силами женщин, стариков и детей их потушили. В эти дни стены и башни охранялись особенно тщательно. Ожидали штурма. Смоляне полагали, что артиллерийский обстрел подготовляет штурм, как это было и перед первыми атаками. Но литовский канцлер Лев Сапега готовил штурм иного рода: он готовился приступить к тактике уговоров. Сапега надеялся измучить защитников и заставить их принять королевскую «милость».

Одновременно поляки приступили к рытью подкопов.

4 октября Лев Сапега послал в город гайдука с предложением выслушать Богдана велижанина. Шеин, посоветовавшись с посадскими старостами, согласился выслушать королевского посла. И назавтра назначили встречу. Лев Сапега приказал прекратить обстрел, и с 14 на 15 октября была первая ночь, когда не слышалась канонада.

Утром Богдан велижанин, подойдя к крепости, повторил то, что писал король в универсале. Смоленские жители знали цену королевским обещаниям, они хорошо раз-

адали иезуитскую душу «благочестивейшего» короля. За-
щитники на королевскую милость ответили хитростью: с
олками жить, по-волчьи выть, — гласит русская послови-
а, и, чтобы выиграть еще одну спокойную ночь для отды-
а, обещали дать ответ завтра. На другой день прибыв-
шего к крепости Богдана угостили водкой и дали ответ:
пусть ваш король делает, что может», а родине изменять
моляне не станут. Поляки ругались, что «этот грубый на-
од отнял... два дня». [1]

После этого Жолкевский дал приказ построить ночью
шанцы в нескольких саженях от Богословской башни и
установить там четыре осадных пушки. Смоляне замети-
ли эти работы и открыли огонь из пищалей. В результате
у поляков несколько воинов выбыло из строя.

Утром снова начался обстрел Богословской башни и
к вечеру в ней была сделана вверху новая пробоина.
Смоляне достойно отвечали на обстрел и убили старосту
Гаевского. Стрельба по крепости продолжалась беспрестан-
но несколько дней. Стреляли с трех сторон — из-за Днепра,
со Спасской горы и со стороны Богословской башни (за-
падной). В то же время поляки из Чуриловского рва вели
под крепостную стену подкоп. О подкопе смоленский во-
евода узнал в первые дни приступов.

Для точного определения направления подкопа защит-
ники стали рыть глубокие колодцы (слухи) у стены. Для
наблюдения и дежурств в колодцах была учреждена осо-
бая служба «слухов». Защитники рвались за стены, чтобы
дать бой заносчивым панам. Но Шеин избегал открытого
боя с сильнейшим во много раз врагом, обладавшим хо-
рошей наемной пехотой. Но зато часты были вылазки ма-
лыми подразделениями, а то и просто группами. Так, 25
октября шесть человек добровольцев вышли из Фролов-
ских ворот, переправились через Днепр, вскочили в шан-
цы старосты Сандецкого, захватили знамя, поранив несколь-
ко человек, в том числе хорунжего, и возвратились целые
и невредимые в крепость. Даже польский офицер Маске-
вич восторженно отзывается об этой вылазке шести храб-
рецов.

Новый артиллерийский обстрел, после отказа смолян
сдать крепость, не принес полякам никаких успехов, и
польское командование убедилось в бессмысленности стрем-

[1] „Русская историч. библиотека", 1872, стр. 462.

ления вызвать пожары в дождливое осеннее время, а имею-
щиеся осадные пушки обладали слабой силой, чтобы раз-
рушить стены. Были посланы распоряжения привез-
ти из Риги новые осадные пушки большого калибра. Кроме
этого, усилились работы по ведению подкопов. Чтобы за-
маскировать их, польское командование начало посылать
под стены «уговорщиков».

Король с сенаторами принял решение не вести
штурмов до прибытия тяжелой артиллерии и завершени
подкопов. Двигаться вперед, не захватив Смоленска, поля
кам было невозможно. Это обусловливалось рядом причин
во-первых, как писала королева Л. Сапеге, взятие Смолен
ска было делом чести «рыцарства» и самого короля, дело
его политического авторитета, что особенно было важно
в тогдашних условиях, когда на польский престол имелся
претендент — племянник Ст. Батория; во-вторых, оставлять
в тылу войск вооруженную крепость, имея перед собой
победоносную армию Скопина-Шуйского, тактически было
опасно.

Осажденный Смоленск скоро стал переживать боль-
шие тяготы. Первым признаком надвигавшихся бедствий
был массовый падеж скота. Из документов Смоленской
приказной избы сохранилось несколько предписаний об
уборке трупов павших лошадей. Начавшиеся бедствия бы-
ли удобной почвой для разлагательской агитации польских
«доброхотов». Эта агитация велась исподволь. Польские
агенты из боярства не могли в своей агитации делать упор,
как это было в первые дни осады, на могущество поль-
ской армии, которая показала свое бессилие взять крепость
приступом. Поэтому они играли на тяготах осады, исполь-
зовав нараставшее недовольство в среде семей дворян и
детей боярских, пришедших в осаду. Недовольство пита-
лось тем, что бешено росли цены на продукты: в ноябре
пуд соли стоил рубль, [1] четверть ржи — тоже рубль, нехва-
тало дров, в довершение бедствий воды не стало. Прихо-
дилось за водой и дровами делать вылазки. В каждой вы-
лазке участвовали сотни жителей, которых сопровождали
воины. Иногда во время вылазки приходилось драться с
поляками всем участникам — дрались не только копьями,
мечами, но и кувшинами, ведрами, с которыми вышли по

---

1 Н. Рожков считает, что покупательная способность одного руб-
ля того времени равнялась 25 рублям золотом конца XIX века.

воду. Часто с вылазок возвращались, неся не воду и дрова, а трупы убитых. Только за один ноябрь 1609 года в польском дневнике зарегистрировано шесть вылазок, которые сопровождались крупными стычками. За каждый кувшин воды, за каждую палку дров приходилось расплачиваться кровью.

Защитники пользовались водой из ручьев, протекавших в крепости. Но эти ручьи были загрязнены: в них мыли белье, спускали нечистоты. Шеин издал приказ, установив три дня, в которые запрещалось стирать белье в ручьях. Было запрещено также выливать в ручьи нечистоты. Многие стали пользоваться водой из этих ручьев. Это усилило заболевания населения.

В декабре 1609 года начали рыть тайные ходы к Днепру, чтобы пользоваться водой. Два таких тайных хода были разрушены поляками.

Рано наступившая зима принесла защитникам новые тяготы. В осаду пришло много посадских людей, бедных ремесленников, ямщиков и крестьян Смоленского уезда. Жилых построек в крепости было немного. Эти дома принадлежали преимущественно дворянам, церквам и монастырям. Воевода кое как разместил семьи служилых людей, ушедших с Барятинским к Скопину-Шуйскому. Ремесленники же с семьями помещались по сараям, амбарам, а крестьяне ютились в землянках между Молоховскими и Крылошевскими воротами. Досок и бревен крестьяне достать не могли — все лесные материалы были взяты воеводой на оборонные цели. Дожди заливали землянки водой, почва оседала, засыпая часто жильцов. Наступившие морозы делали жизнь в землянках невыносимой. Костры разводить запрещалось, да и дров достать было трудно.

Пришедшие в крепость ремесленники, ямщики и крестьяне имели незначительный запас продовольствия. Через 5—6 месяцев осады большая часть бедного люда уже голодала. Трупы лошадей валялись по улицам. Отгоняя собак, жители вырезали мясистые куски павших лошадей и варили с кореньями похлебку. Впоследствии ловили собак, кошек, галок, ворон и употребляли их в пищу. Хлеб приготовляли из кореньев и древесной коры. Бичом для бедного населения — ремесленников и крестьян было отсутствие соли. Пища без соли вызывала массовые заболевания. Детей косила смерть. Зимой 1610 года в день хоронили по 30 — 40 человек.

В закромах дворян, церквей и монастырей было много хлеба и соли. Дворяне спекулировали хлебом, солью, продавая пуд соли и четверть хлеба по рублю. Таких денег смоленская беднота достать не могла.

Некоторые требовали вооружить всех — и мужчин и женщин, выйти за стены и там или погибнуть, или разбить врага.[1] Но Шеин отверг подобные требования, будучи уверен в поражении; его поддержали многие посадские люди.

Весна не принесла облегчения — в апреле умирало в день по 100 — 150 человек. Голод нарастал. К лету в крепости вся трава была съедена. Приходилось больным защитникам делать вылазки, чтобы запастись травой, которую население употребляло в пищу. Еще в декабре воевода вынужден был начать снабжать хлебом из государственных житниц семьи дворян и детей боярских, пришедших в осаду. Иногородних дворян, детей боярских и семей воинов, посланных к Скопину-Шуйскому, было много. Но беднейшее население — ремесленники, крестьяне, которые несли защиту крепости, долгое время оставалось без внимания. Только во второй период защиты — после Клушинской битвы — имели место выдачи хлеба голодающим ремесленникам. В феврале и марте 1610 года была произведена опись хлебных запасов у стрельцов, посадских людей и крестьян. Ошибку допустил Шеин, что не взял на учет большие запасы хлеба у монастырей, церквей и особенно в житницах крупнейшего смоленского феодала — архиепископа Сергия.

Шеин не жаловал попыток богачей брать в кабалу голодных людей, которые иногда продавались за четверик хлеба. Он старался пресечь аппетиты собственников домов, повышавших цены за пользование квартирами, углами, банями и сараями. Он запретил на время осады выселять из квартир и повышать цены.

Из мероприятий в области экономической политики в этот период осады следует указать на приказ, регламентировавший торговлю хлебом и запрещавший покупку хлеба тем, «у кого свой хлеб есть».

Полякам тяжкое положение защитников было хорошо известно. Польское командование с ноября до июня не вело военных действий, даже был прекращен артиллерий-

[1] „Русская историч. библиотека", 1872 г., т. 1, стр. 448 — 489.

ский обстрел, если не считать небольшой канонады 22 января в честь прибытия послов от русских изменников — бояр и дворян из Тушинского лагеря. Поляки убедились, что взять крепость плохо подготовленным приступом невозможно. Взорвать крепостную стену легкими минами им не удалось. Королевская ставка дожидалась получения пушек из Риги. Поляки в этот период затишья военных действий делают упор на агитацию под стенами и внутри крепости.

Уговаривания под стеной велись систематически. 3 ноября к воротам подослан был брат игумена одного из смоленских монастырей. «Но напрасно говорить с этим медвежьим народом, — пишет польский хронограф об этом случае. — Долго убеждали русских сдаться, но напрасно. После долгой перебранки корчемными словами, разошлись». [1] Через неделю уговаривать смолян пробовал польский офицер Чарлинский, который хорошо говорил по-русски. Он пытался натравить посадских людей и крестьян на воевод и дворян, указывая, что те живут хорошо, а народ голодает. Он обещал «разделить между ними боярские волости... Он убеждал, чтобы они кинулись на воеводу. Они ничего не ответили ему». [2] В начале декабря, желая выслужиться и получить награду, предложил гетману свои услуги смоленский поп — итти в крепость «и убеждать их не противиться воле божьей и сдаться». Этот поп в крепость пробрался, его поймали посадские люди, отвели к Шеину. После допроса и пытки попа посадили в тюрьму.

Побывал под стеной и смоленский Иуда — Андрей Дедевшин, который перед тем пытался предать крепость Белую, где был воеводой.

Нескольких смоленских дворян-изменников подсылали поляки к стенам, но «упорный народ не хотел... верить». [3]

Словом, все уговоры из-за стены не принесли ключей от Смоленской крепости. Смоляне не хотели сдаваться. Они до Клушинской битвы были глубоко убеждены, что им будет скорая помощь из Москвы.

Уговоры внутри крепости велись исподволь, агитаторы уже не пугали королевской силой, а, пользуясь тяготами осады, говорили: «однако мы должны будем сдаться,

---

[1] „Русская историч. библиотека", 1872, т. I, стр. 480.
[2] Там же, стр. 485.
[3] Там же, стр. 595

когда не станет сил: так лучше сдаться во-время». [1] Такие разговоры вел один дворянин, командир сотни. Его разоблачили и арестовали.

В том же духе уговоры вел сын боярский из Брянска, а ему помогал монах Авраамиевского монастыря. Они доказывали, что новгородцы, псковичи и другие давно сдались, «заупрямились-де одни смоляне», и что нам все равно, «кто на царстве будет сидеть». [2]

Смоленским патриотам и Шеину огромные услуги оказывали перебежчики из польского лагеря. Они были желанными гостями, их жадно слушали и им верили. Зарегистрировано несколько случаев перехода в крепость гайдуков, которые вербовались поляками из крестьян и городских жителей. Они разоблачали ложь польских «доброхотов», вселяли уверенность в победу над польскими панами, которых сами ненавидели всей душой. Влияние этих людей было так велико, что даже польский хронограф должен был отметить, что «портят дело больше всего те, которые передаются в крепость». [3]

Героическую оборону Смоленска приветствовали и в далеком тылу Литовского княжества. Как уже отмечалось, захватнический поход Сигизмунда был враждебно встречен народными массами в Польше и Литве, особенно в районах белорусских. Городские жители, разоренные жадной и разгульной польско-литовской шляхтой, всеми доступными им способами содействовали поражению короля.

В Смоленск пробрался, рискуя жизнью, купец из Полоцка. Он рассказывал, что у поляков нет средств, что им грозят турки, наступают шведы, тревожат западные границы отряды племянника Ст. Батория. Этот купец уговаривал смолян держаться и не верить королевским грамотам и обещаниям.

16 июня 1610 года хотел пробраться в крепость еще один купец из Польши, но его захватили и жестоко с ним расправились.

Эти герои, проникая в крепость, помогали защитникам еще и тем, что во-время предупреждали о готовящихся атаках. Они же указывали на подготовляемые подкопы, что давало возможность определить и направление подкопа.

---

[1] „Русская историч. библиотека", 1872, т. I, стр. 470.

[2] „Чтения в обществе истории и древностей российских" 1912 стр. 79.

[3] „Русская историч. библиотека", 1872, стр. 566.

Поляки все внимание сосредоточили на подкопах, которые вели из Чуриловского рва в нескольких направлениях, полагая взорвать большой участок стены.

Смоляне, располагая своевременной информацией перебежчиков и наблюдениями в колодцах слухах, вели контрподкопы. Докопавшись 16 января до польского подкопа, защитники, прежде чем взорвать его, решили несколько поколотить панов под землей; установив в отверстии польского подкопа пищаль, заряженную картечью, они повели обстрел. Это был первый подземный бой. Немногим полякам удалось спастись бегством. Через три дня на другом участке подкопа произошла новая стычка. 27 января защитники встретились с поляками в новом подземном ходу. Снова были использованы легкие пушки, и поляков расстреливали картечью. Новым в то время и замечательным техническим достижением было изготовление пушечных ядер, начиненных смрадными веществами. Этими ядрами смоленские ремесленники угощали поляков под землей. Одному польскому гайдуку удалось забросать землей такое ядро и вынести его. При вскрытии оно оказалось наполненным селитрой, порохом, серой, водкой и другими очень смрадными веществами. Эти ядра свидетельствуют о том, что смоленские ремесленники овладели не только тогдашней артиллерийской техникой, но и своими изобретениями ставили втупик лучших европейских инженеров, бывших в польском войске.

Через неделю смоляне открыли еще один подкоп, который вел инженер Шембек, взорвали его, причем похоронили нескольких солдат и засыпали самого Шембека. Почти всю ночь откапывал себя главный польский минер и только к утру выбрался. Чтобы отомстить, инженер Шембек на другой день взорвал одну мину; это ничего не дало, так как до стены подкоп еще не был доведен.

14 февраля смоляне взорвали новый подкоп, который вел французский инженер. Взрыв был настолько мощным, что выбросил огромную массу земли на значительную высоту. Вместе с песком выше крепостной стены взлетел и французский инженер, но, упав в снежный сугроб, остался жив.

В польском лагере контрмины смолян вызвали растерянность. Пятимесячная подготовка штурма была уничтожена. Упорство и напряженный труд защитников дали свои

плоды — они завоевали себе новую передышку. Польское командование возлагало все надежды на подкопы и не торопилось получить тяжелые осадные пушки из-за границы. Штурм крепости теперь снова оттягивался. Приходилось вести новые подкопы и торопить с подвозом пушек, так как из привезенных раньше 30 орудий значительная часть вышла из строя, а оставшиеся мортиры ничего не могли сделать стенам.

Много хлопот причиняли полякам крестьянские партизанские отряды, которых польский офицер Маскевич презрительно назвал «шишами». Убежавшие в леса крестьяне стали собираться в отряды. Скопин-Шуйский узнал, что в смоленских лесах скрывается много крестьян. Он прислал 30 человек ратных людей, чтобы из этих крестьян создать отряды и вести войну в тылу у поляков. Такие отряды образовались в Поречкой, Бельской и других волостях. И, как утверждает польский хронограф, эти отряды достигли значительной величины. Так, некий Треска собрал три тысячи вооруженных крестьян и, нападая на польские части, наносил им большой урон. Подняли восстание и крестьяне Щучейской волости и, как рассказывал пробравшийся в крепость крестьянин, побили литовских людей человек с полтораста.

После Клушинской битвы

Неожиданная смерть талантливого русского полководца Скопина-Шуйского и последовавшее затем поражение под Клушином русских войск (июнь 1610 г.), шедших на выручку смолянам, усилило в Москве влияние королевских «доброхотов», которым удалось привести сначала к капитуляции бояр 17 августа, а потом, через месяц, — и к сдаче Москвы польским интервентам.

Смоленск после Клушинской битвы переживал особо тяжелое положение. Новым на данном этапе являются прежде всего возросшие колебания в рядах защитников. Если раньше наиболее устойчивая часть — посадские люди вместе с воеводой Шеиным могли утешать голодных и больных защитников ожиданием скорой помощи, в которую все верили, то теперь, и особенно после сдачи боярами Москвы полякам, вера в помощь была окончательно убита. А без веры и надежды переносить лишения — голод, холод, мор — для многих казалось невыносимым. В

этой обстановке польским шпионам «доброхотам» создалась самая благодатная почва для подрывной деятельности. Агитация за сдачу крепости находила себе отклик прежде всего в среде дворян и детей боярских, которым из-за стен уговорщики из русских изменников их же класса сулили всякие блага и почести под властью польского короля.

Пассивная осада города сменилась целой серией ожесточенных нападений, штурмов. Активизация польского лагеря объясняется также и сменой главного командования.

К услугам нового командующего оказались долгожданные осадные пушки, которые из Риги были привезены 29 мая. Эти пушки даже имели имена: одна звалась Бабой, другая — Василиском и шесть более легких — Братьями. Получив пушки, польское командование определило район их действия. Было решено (не без споров) разрушение стены продолжать в районе западной стороны, ранее намеченном для взрыва, где больше полугода велись подкопы, т. е. между Богословской башней и Копытенскими воротами. На этом участке приступлено было к подготовке площадки, к устройству шанцев для установки полученных пушек.

Защитники крепости, имея сообщения передавшихся в крепость гайдука и нескольких крестьян, всячески препятствовали проведению подготовительных работ, чем значительно оттянули сроки штурмов.

Смоляне несколько дней подряд громили подготовительные сооружения из Грановитой и двух смежных башен, которые помещались на месте теперешнего Королевского бастиона, т. е. земляной насыпи в парке. Польский хронограф признает, что «из крепости... открыли непрерывный и очень сильный ружейный и пушечный огонь, с значительным уроном для нас». [1] Было выведено из строя около сотни польских солдат, среди них командующий пехотой брацлавского воеводы. Польское командование вынуждено было дать приказ вести подготовительные работы только ночью. Смоляне продолжали обстрел и ночью, с факелами.

Вместе с этим защитники приступили к рытью подкопа под площадки и шанцы, намереваясь взорвать их. Но при тогдашних технических средствах подкоп требовал

[1] „Русская историч. библиотека" 1872, т. 1, стр. 606.

времени, и работы смоляне не смогли закончить ко дню штурма. Кроме этого, руководивший подкопом сын боярский, оказавшийся изменником, всячески замедлял работу. Когда подкоп был готов и установили мины, он вместе со своими приверженцами вынул из подкопа семь возов пороха. [1] Взрыв не мог дать нужного результата.

Были предложения сделать вылазку и разрушить подготовительные работы поляков. Но вылазка требовала значительных пехотных сил, которыми крепость не обладала, а главная причина, почему Шеин отверг вылазку, была та, что ближайшие к польской площадке ворота — Копытинские и Пятницкие — были основательно заделаны.

Поляки, чтобы ускорить подготовку площадки, возведение укрепленных шанцев, старались отвлечь внимание защитников с западной стороны на восточную. Там часто по ночам делали ложные атаки. Спрятавшись в ближайших к стене рвах, польские солдаты поднимали воинственный крик и создавали впечатление, что идут в атаку; это вызывало переполох в крепости. Подобного рода концерты устраивались ночью. Воевода и смоляне упорно готовились к предстоящим штурмам. В башнях западной стороны нижние и средние бойницы были завалены камнями. По стенам возвели деревянные срубы, засыпав их землей. Вокруг каждой башни устроили высокие насыпи, обнесенные срубами, за ними еще клетки, наполненные землей и камнями. Подобного рода тройные укрепления возводились на случай, если башни будут разрушены. Кроме этого, защитники тщательно укрепили все ворота, засыпали их камнями и землей, а вокруг возвели клети. Открытыми остались только одни большие Днепровские ворота, они имели крепкие решетки.

По ночам, начиная с 3 июля, поляки стали перетаскивать рижские пушки в шанцы против Грановитой башни. Смоляне снова усилили огонь по этим шанцам. От частой стрельбы многие пушки трескались. Их заменяли новыми, снимая с башен южной стороны. Поляки несли большой урон в людском составе, особенно в немецкой пехоте, которая устаналивала пушки. Не раз кнехтам приходилось бросать работы и прятаться в Чуриловском рву, что затягивало работы и срывало приказы о скорейшей установке орудий.

Смоляне продолжали готовиться к штурму, который

---

[1] „Русская историч. библиотека", 1872, т. 1, стр. 675.

ожидался со дня на день. Защитники спешили с подкопом под польские шанцы, чтобы предупредить опасную для башен стрельбу из рижских пушек. Они определили, что ведется и еще один подкоп под стену. 26 июля смоляне подвели две мины — одну под польский подкоп, а другую — под шанцы. Взрыв разрушил подкоп и часть шанцев, где было задавлено несколько немцев. Бешенству польского инженера Апельмана не было предела. Ночью с петардами он бросился к стенам, хотел их взрывать, «но ничего не мог сделать». Польское командование решило вести новый подкоп. 28 июля Шеину было передано письмо, в котором король требовал сдать крепость, в противном случае угрожал защитникам уничтожить их вместе с семьями. Шеин приказал вернуть письмо посланцу.

Через три часа поляки открыли огонь по Грановитой башне. К вечеру в башне образовался большой пролом. Был дан приказ к утру готовить штурм. Смоляне всю ночь работали: заделали бревнами и камнями пролом, натаскали каменьев, песку на стену, установили на бастионах пушки на случай захвата разрушенной стены.

С рассветом 29 июля несколько сотен немцев и венгров бросились штурмовать Грановитую башню. Другие отряды при помощи лестниц пытались взобраться на крепостную стену с восточной стороны. В это же время Новодворский должен был взорвать ворота. Немцы с венграми, поражаемые картечью, ворвались было в пролом Грановитой башни, но рукопашной контратакой смоляне вышвырнули их. Хвастливый пан Новодворский при первом выстреле бежал со своими петардниками, побросав снаряды. Смоленские ремесленники еще раз показали, что польские сенаторы напрасно полагали встретить пустые глазницы многочисленных крепостных бойниц. Поляки продолжали весь день громить стену рядом с разрушенной Грановитой башней. К вечеру образовался второй пролом значительной величины, почти в две сажени. Ночью поляки вырыли от шанцев к стене ров с двумя ответвлениями к обоим проломам, чтобы удобнее и с меньшими потерями добежать до стены. Смоляне непрерывно работали над возведением укрепленного бастиона и у второго пролома.

Готовился новый штурм. Перед рассветом 1 августа гетман Потоцкий бросил на приступ все свои лучшие части.

Передние части немцев и венгров по рву добежали до проломов и ворвались в Грановитую башню. По насту-

павшим смоляне открыли огонь из двух соседних башен. Этот огонь вносил опустошения в колонны врага и заставил их бежать обратно. Ворвавшиеся в башню были выбиты после непродолжительной рукопашной схватки. Как и надо было ожидать, подкрепление из польских «рыцарей» «не прибыло», т. е струсило — побоялись шляхтичи иметь дело со смоленскими «хлопами». Гетман Потоцкий неистовствовал.

На второй день было приказано разрушить две круглые башни, смежные с Грановитой, чтобы исключить страшную поражаемость во время штурма проломов. Три дня громили рижские пушки эти башни. Смоляне вели ответный огонь по шанцам.

В эти же дни поляки продолжают тактику уговоров. К стене подъехал старый знакомец смолян, велижский староста А. Корвин-Гонсевский. Гонсевский из Москвы привез новость о низложении В. Шуйского. Смоляне отказались вступить в переговоры и не хотели верить Гонсевскому. Низложение Шуйского вызвало ликование в польском лагере—гремели барабаны, ревели трубы, кричали на радостях, что московский престол оказался свободным для польского короля, что скоро конец войне, и паны получат московское богатство, которое обещал им король. До утра шумел перепившийся польский лагерь.

Утром 3 августа смоляне испортили польским панам праздничное настроение, взорвав подкоп Апельмана, где похоронили несколько венгерских солдат. Поляки с остервенением продолжали расстреливать две круглые башни. Там были сделаны проломы.

Защитники, наряду с ответной стрельбой, возводили укрепления на всем пространстве от одной до другой круглых башен. Они использовали старый земляной вал, возвели насыпи на нем вышиной в две сажени. На валу поставили деревянные срубы, засыпав их землей. В середине установили несколько тяжелых пушек, а по бокам четыре мортиры.

С рассветом начался штурм. Несколько раз враги бросались в атаку к проломам, но защитники отражали их выстрелами из орудий и ружей. Когда же нападающим удавалось добираться до самой стены, их побивали камнями, засыпали им глаза песком, и они каждый раз откатывались назад. Польское командование приказало спешившимся гусарам итти на помощь. «Все бросились с такой

отвагой, какой требовало самое дело и их доблесть», но, добежав до рва, который «храбрым» рыцарям показался глубоким и широким, они отступили. Через некоторое время «отважные» и «доблестные рыцари» снова бросились в атаку, «но должны были опять отступить от широкого и глубокого рва, ничего не сделав и не без вреда для себя». [1]

Смоленские пушкари свое дело знали—метким огнем поражали перед рвом польских «храбрецов» и внесли большое опустошение в их ряды. На этом приступе было убито 178 человек и ранено 642.

Даже враг должен был подчеркнуть «доблесть в защите» смолян.

После этого крупного поражения польское командование должно было отложить штурмы на неопределенный срок. Снова полезли под землю, опять начали готовить подкопы, чтобы взорвать стену. Подготовка теперь велась, по совету смоленских изменников из дворян и детей боярских, и с восточной стороны.

Раскрытие заговора группы кн. Морткина было последней каплей, определившей известный поворот в политике Шеина.

Если на первом этапе все командные должности были в руках служилого класса—дворян и детей боярских, а представители посадского люда значились на вторых ролях в качестве заместителей, то теперь встречаем их не только начальниками тех или иных участков на крепостной стене, но и командирами сотен. Снимая с командных постов изменников—дворян и детей боярских, Шеин назначал на их место товарищей, которыми по первой росписи были посадские люди. Важные поручения, как перепись соли, изъятие ее, расследование измены и попыток к бегству давались исключительно торговцам, ремесленникам.

Под влиянием посадских людей проводится более решительная продовольственная политика. В ноябре сделали учет запасов соли, причем описи подлежали запасы и дворян, попов и монастырей, которые в марте при первой описи хлеба были исключены. Проводилось изъятие хлеба у лиц, нарушавших приказ о регламентации торговли, и под это изъятие, как правило, попадали дети боярские, попы, монастыри, спекулировавшие хлебом. Посадские люди по поручению Шеина изымают соль у укрывавшихся от

[1] „Русская историч. библиотека“, 1872, т. 1, стр. 657.

описи. Ведется борьба со спекуляцией—зафиксирован случай конфискации селедок у продавца, который купил их у неизвестного ему сына боярского. Наконец, устанавливается раздача хлеба голодающим ремесленникам.

Заметно усиливается и борьба с неявкой на караул, с уклонением от выполнения приказов. Если на первом этапе не встречалось ни единого случая наказания уклонявшихся от дежурства на стене, то теперь таких не только арестовывают, но и наказывают кнутом. Мало этого, наказанию подлежали и командиры, не принявшие нужных мер к обеспечению точного выполнения приказа воеводы. [1]

Случаи измен—побеги, шпионаж—развили у воинов чувство бдительности. Зафиксировано несколько фактов, когда посадские люди приводили к воеводе посторонних лиц, близко подходивших к укрепленным пунктам. [2]

Для увеличения ратников Шеин привлекает «охочих людей», добровольцев, с выдачей им жалованья. [3] Жалованье выдавалось деньгами и натурой—продуктами. Добровольцами были преимущественно слобожане, ремесленники, крестьяне и холопы.

6 сентября из Москвы прибыли посланцы с приказанием Шеину от кн. Мстиславского «бить челом» королю. На другой день эти посланцы подошли к стене, но в этот день защитники не впустили их в крепость. Назавтра Шеин дал согласие допустить послов кн. Мстиславского. В Смоленске от них узнали о договоре московских бояр с Жолкевским, о присяге королевичу Владиславу. Шеин и посадские люди снова категорически отказались «бить челом» королю, сдать ему город, но не возражали против ведения переговоров.

Защитники для этой цели выделили шесть послов «от всех сословий». Но в посольстве преобладающую роль играли посадские люди, что вызвало у польских сенаторов сомнение, не будет ли королю оскорблением беседа с такими послами. После долгого обсуждения сенаторы решили признать данное посольство и допустить к королю.

11 сентября послы были допущены к королю, которому они предъявили свою просьбу: прежде чем вести переговоры, прекратить стрельбу и отвести войска. Первое тре-

---

[1] „Чтения в обществе истории и древностей российских". 1912, т. 1, стр. 116.

[2] Там же, стр. 99, 109.

[3] Там же, стр. 106.

бование указывает, что переговоры для Шеина и посадских людей были тактической уловкой — прекращением стрельбы оттянуть время нового штурма, чтобы подготовить лучше укрепления и отпор. Требование смоленских послов вызвало возмущение Л. Сапеги, который в угрожающей форме потребовал полной капитуляции.

Смоленские послы, выслушав грозную речь Л. Сапеги, обещали доложить об этом воеводе, жителям и дать ответ.

Через четыре дня смоленские послы принесли ответ, в котором заявили, что «не хотят... отложиться от... жителей столицы и поддаться чужому государю». Сенаторы «выбранили послов больше прежнего» и приказали с такими речами не приходить. Интересно выражение: «отложиться от жителей столицы». Не случайна такая формулировка. Смоленским посадским людям была известна позиция московских жителей, которые возмущались сделкой бояр с гетманом Жолкевским.

В Смоленске некоторая часть детей боярских и дворян выступала за сдачу крепости королю «а посадские люди... никак не хотят отложиться от столицы». [1] Шеин собрал защитников «на общую думу». Разгорелись яростные споры, ругань и имели место даже потасовки. Все же одолели посадские люди, составлявшие основную массу воинов. На другой день смоленский воевода Шеин сообщил гетману Потоцкому, что хочет говорить с литовским канцлером. Лев Сапега поспешил принять предложение. Они встретились недалеко от Днепровских ворот. Ни хитрая речь польского дипломата, ни лесть, ни посулы и обещания не сломили упорства опытного воеводы. Шеин «никак не соглашался отделиться от главы — столицы — и отложил окончательные переговоры до приезда великих послов, едущих к королю из столицы». [2]

Шеин всячески затягивал переговоры, чтобы удлинить передышку и толкнуть польское командование к пассивности. На вероломство и хитрость польских панов воевода отвечал также хитростью.

Чтобы занять поляков, Шеин предложил заключить договор об обмене пленными, которые для крепости были лишними ртами. Еще несколько раз смоленские послы побывали в королевском лагере. Шеин, как опытный воин

[1] „Русская историч. библиотека", 1872, т. I, стр. 667.
[2] Там же, стр. 688.

(недаром его ресхвалил в своих мемуарах Маскевич), надеялся, что нараставшее в самой Польше и в войске недовольство задержкой под Смоленском короля заставит его снять осаду. К этому толкала и возраставшая задолженность войску. А о настроениях «рыцарства» он был хорошо осведомлен.

Чтобы понудить смоленских помещиков бороться за сдачу крепости, король 1 октября прислал универсалы, в которых дал срок три дня, после чего все их имения поступят в раздачу другим. Такую же угрозу он сделал и посадским людям, но добавил, что «сами будут казнены смертию».

На эту наглую угрозу смоляне дали свой ответ: они подожгли мину в подведенном под польские шанцы подкопе. Взрыв «разрушил часть шанцев» и испортил несколько рижских пушек. Такого ответа на королевские универсалы в польском лагере никак не ожидали. Сколько проклятий послали «благородные» паны «медвежьему народу»!

Смоляне этим взрывом завоевали себе значительную передышку, пока будут возведены новые шанцы и установят там новые пушки, которые ожидались из Слуцка. Эта передышка протянулась два месяца. Смоляне, как и раньше, огнем не допускали дневных работ, а ночные работы всячески срывали, если позволяла погода.

Упорная и героическая оборона Смоленска, значительные потери в лучших частях короля—венгерско-немецкой пехоты, особенно при последнем штурме, мужественный ответ смолян на королевский ультиматум, когда поляки лишились своих дорогих рижских пушек, не могло не вызвать в лагере интервентов известного разброда.

Беззаветная преданность смолян своей родине, непоколебимая решимость посадских людей бороться до конца, пока захватчики не уберутся во-свояси, привели многих радных панов в уныние. Даже один из вдохновителей и самый заядлый сторонник похода короля — Лев Сапега начал терять надежду взять Смоленск. С возвращением в королевскую ставку гетмана Жолкевского усиливается настроение в среде сенаторов снять осаду Смоленска и бросить войско в центральные города, чтобы там с помощью предателей бояр подавить поднимающееся народное движение.

Эти настроения стали известны в польской столице. Королева Констанция в письме Л. Сапеге просит его и

допустить снять осаду Смоленска: это обесчестит и короля и рыцарство, это может привести к опасным политическим осложнениям внутри страны. Противники продолжения осады, и прежде всего гетман Жолкевский, настаивали на том, чтобы удержать то, что уже захватили, т. е. Москву, посадить там королевича Владислава и добиться зависимой от Польши московской политики и при ее помощи вернуть шведский престол королю, потом, при содействии Московского государства, рассчитаться с накопившейся задолженностью рыцарству. Иначе, угрожали они, начнутся конфедерации рыцарства и оно потеряет всякое военное значение, будет бурлящим котлом. Средств заплатить им сейчас нет, надеяться на новые налоги бессмысленно.

Эта позиция встретила в среде панов много противников. Среди них первую скрипку играли братья Потоцкие и прежде всего гетман-воевода брацлавский, их поддержали Лев Сапега, иезуиты. Они продолжали настаивать на первоначальном плане покорения Московского государства и передачи московского престола в руки короля. Как и следовало ожидать, победила партия короля. Продолжая реализацию старого плана похода короля, считалось необходимым во что бы то ни стало завладеть Смоленском.

Поэтому первым требованием к прибывшим из Москвы великим послам было: приказать смолянам сдать крепость. На каждом съезде сенаторов с послами паны домогались Смоленска. Неоднократно заявляли они послам, что, не взяв Смоленска, «прочь не отхаживать». Много раз встречались сенаторы с послами и всегда разговоры велись вокруг Смоленска. Разными приемами добивались паны, чтобы послы приказали смолянам целовать крест королю, наивно полагая, что смоляне немедленно выполнят такое приказание. Паны пригрозили поступить со Смоленском так, как римские войска с Иерусалимом.

Польское командование обращалось опять и к самим смолянам, переслало им текст договора с боярами. «Благородные» паны, залив страну кровью, разорив дотла Смоленскую землю, прикидываются сердобольными, не желающими проливать кровь смолян, хотя это не помешало им целые города — Козельск, Мещовск — превратить в огромные кладбища. Смоляне отказались от предложений «христианнейшего короля».

К середине ноября поляки закончили подкоп, который защитники почему-то не обнаружили. Видимо, не обошлось

здесь без предательства. Мину заложили для того времен
огромную — 150 центнеров пороха.

29 ноября гетман Потоцкий приказал «рыцарям» пр
готовиться к штурму.

1 декабря по сигналу—удар в три барабана—зажг
фитиль мины, но она не взорвалась. Потом «прилади
длинный полотняный мешок» к мине, наполнив его пор
хом, и зажгли. Действие было слабое, далеко не то, че
ожидали: повредили стену всего на протяжении несколь
ких сажен.

Поляки послали Новодворского осмотреть пролом
образовавшийся от взрыва пов. Новодворский донес, ч
«русские в большом числе защищали вал вышиною в д
копья, а за валом стояло их несколько рядов, готовых
битве, наконец, не дозволяли пушки, с трех сторон на
равленные к отверстию». Гетман, посоветовавшись с сен
торами, отложил «приступ до другого, более счастливог
случая».

Польское командование побоялось потерь.

Снова сенаторы нажимают на послов, требуют от н
крепости, которой те не могут распоряжаться. Вмеш
тельство великих послов, особенно князя Голицына, мог
бы усилить в Смоленске позиции сторонников сдачи город

В крепости к зиме 1610—11 года атмосфера накалилас
Голод, мор и обострившиеся с наступлением зимы бедс
вия вызвали колебание в среде истощенных и больны
«сидельцев». Много трудов пришлось положить наибол
устойчивым элементам—смоленским посадским людям, чтоб
пресечь попытки изменников воспользоваться этими ко
баниями.

Некоторые помещики всячески сопротивлялись стрем
ниям Шеина и посадских людей обеспечить голодных з
щитников питанием. О характере борьбы в крепости гов
рит один документ—донесение отставного стрельца Гриш
Мохначева. Этот документ показывает: во-первых, ч
Шеин был близок к посадским людям и крестьянам, за ч
его помещики сравнивали с Болотниковым; во-вторы
воевода конфисковал имущество изменников и спекуля
тов, нарушавших приказ о регламентации торговли хлебо
в-третьих, что дети боярские действовали сообща с дух
венством и вместе старались оклеветать воеводу, возб
дить против него дело перед архиепископом; в-четверты
в крепости существовал заговор и подготавливалось какое-

ступление, чтобы расправиться с воеводой и посад-ими людьми.

И в самом деле, через несколько дней выяснилось, что изменники из дворян и детей боярских, сорвавшись на не-однократных попытках сдать крепость собственными силами, стремятся найти себе сторонников в среде голодных кре-тьян и дворовых. Предатели развертывают агитацию по крестьянским шалашам, землянкам, чтобы подготовить с ними вместе восстание. Такое восстание приурочивалось к приступу. Это входило в единый польский план захвата крепости.

Предатели, зная заранее о дне штурма, готовили вооруженное выступление. Изменники из детей боярских становились в прикрытие по башням, чтобы ударить по пушкарям и прекратить огонь. Одновременно другие долж-ны были арестовать Шеина и выдать его полякам. Но ре-шающим моментом в восстании предполагалось выступление крестьян и холопов, которые обязаны были напасть на по-садских людей и перебить их. Для привлечения на свою сторону голодающих крестьян изменники обещали отдать на разграбление имущество посадских людей.

Но крестьяне не пошли за предателями, не стали бить посадских людей. Восстание не удалось, и планы польских агентов провалились. Выступление же боярских детей, по-видимому, имело место. Есть упоминание в польском днев-нике, что в крепости «дело доходило до сабель».

С момента приезда великих послов защитники пере-живали тревожное время.

Всю зиму шли переговоры. Вторая зима защитникам обошлась очень дорого — недостаток дров усилил заболе-ваемость. Смерть уносила тысячи людей. Ряды защитников редели. Оставшиеся в живых были крайне истощены и страдали от болезней. Голод, холод, болезни для смолян оказались несравненно более страшным и могучим врагом, чем польские «рыцари».

Особенно обострились отношения в крепости после того, как часть послов за поместья и награды продалась польским панам.

Эти изменники шныряли под стенами крепости, сея разногласия, обостряя и без того жестокую борьбу в осаж-денном городе.

Растлевающая агитация послов сказалась. На другой день королевские «доброхоты» организовали демонстрацию

гражданского населения к Шеину. Эта демонстрация с
стояла преимущественно из семей дворян, детей боярски
Демонстранты требовали прекратить сопротивление, дов
зывая, что они изголодались, отощали и дальше терпе
мучения осады не могут. Демонстрантов успокоили Шеи
посадские старосты. И польские агенты не добились своей

Через несколько дней смоляне подвели новый подк
под восстановленные шанцы и взорвали мину. Мина ок
залась заложенной несколько в стороне от шанцев и п
этому не разрушила их, а только засыпала землей.

А в это время внешнее и внутреннее положени
Польши осложнялось. На юге снова открыли военные де
ствия турки, а в Инфлянтах беспокоили шведы. Кроме этог
волновались «рыцари» — им не платили жалованья, задолжа
ность росла. Канцлер Лев Сапега поспешил в Литву, чтоб
собрать хоть немного средств на выплату жалованья во
ску, иначе оно теряло боеспособность. Уехал в Польшу
начальник венгерской и немецкой пехоты Вайер, чтоб
вербовать новые наемные части и пополнить иностранну
пехоту, которую изрядно потрепали смоляне.

Из Москвы от Гонсевского поступали тревожные в
сти. Писали и русские изменники, в частности боярин
Салтыков, упрашивали, «не мешкая» итти с войском
Москве, там «большая смута... становится». Они убежда
что если король укрепится в Москве, то Смоленск е
будет.

Смоляне не только старались отстоять свой город,
страдали и беспокоились за всю страну. В январе 1611 г
да смоляне пишут грамоту «господам братьям всего Мо
ковского государства».

Вслед за грамотой смолян из города в город посы
лись призывы встать на поработителей. Беззаветной
упорной борьбой смолян восторгались в самых отдале
ных окраинах. Смоленских героев ставили в пример вс
кто призывал на борьбу. На улицах Москвы было найде
«подметное» письмо (прокламация) неизвестного авто
где написано: «Поревнуем городу Смоленску, как в н
наша братия, православные христиане, сидят и велику
скорбь и тесноту терпят. Сами знаете, с какого време
сидят. Если бы таких крепкостоятельных городов в Росси
ском государстве хоть немного было, неповадно было б
входить в нашу землю нашим врагам». Дальше автор
обличает предательство правителей-бояр. Указывая е

раз на геройство смоленских защитников, автор подчеркивает, что они «держат короля ни за голову, ни за ноги, ни за руки, но за самое зловредное и жестокое сердце». И дальше автор заканчивает призывом: «Придите, православные, мужайтесь и вооружайтесь, старайтесь против врагов своих. Не выдавайте спасителей наших — там города, а здесь общего нашего пастыря». И в другой грамоте ярославцев в Казань так говорится: «В смертной скроби люди сетуют и плачут и рыдают... а тем и утешаются, божиим милосердием, что дал бог за православную веру крепкого стоятеля Ермогена патриаха... да премудрого боярина Михаила Шеина и всех православных крестьян, смоленских сидельцев, что, узнав они-то все оманки и ласканья, ничего не послушали и учинили смерть на паметь и на славу и на похвалу в роды и роды. А на Москве смоленские люди тем помочь учинили великую, что король не опростався".[1]

Русский народ с любовью и восхищением смотрел на смоленских защитников. Их упорство, их борьба громким эхом пронеслись по Руси. Призыв смолян и «досточудные и достохвальные» дела их были тем толчком, который вызвал огромный подъем народного движения на борьбу с захватчиками.

В январе 1611 года поднялись рязанцы. Пр. Ляпунов списывается с казаками, оставшимися в Калуге после убийства самозванца, переписывается с нижегородцами и патриархом Гермогеном. Готовят рати нижегородцы. Списываются ярославцы с казанцами. Поднялись пермичи, новгородцы.

Силы русского народа оказались неиссякаемыми. Многие отряды русских патриотов тянулись к Москве, чтобы освободить свою столицу.

Ратные люди шли из Рязанской и Северской земли с Ляпуновым, из Суздальской – с Измайловым, из Муромской — с Литвин-Мосальским, из Низовой — с Репниным, из Галицкой земли — с Мансуровым, из Вологодской и Поморской — с Нащокиным, из Ярославской и Костромской — с Волынским. К Москве двигались казаки Просовецкого с севера и Трубецкого — с юга.

Первую победу над поляками и черкасами одержал под Зарайском воевода Димитрий Михайлович Пожарский.

[1] „Русская историческая библиотека" т. XIV—„Новая повесть".

Готовились к схватке и москвичи, ожидая подхода полков. Поляки, по совету предателя Салтыкова, решили разгромить москвичей до прихода земских ополчений. Спровоцировав небольшое столкновение, Гонсевский с русскими изменниками учинил бойню, в которой убили несколько тысяч невооруженных жителей. В некоторых частях города москвичам удалось устроить баррикады и отбиться. К ним подоспели на помощь Д. Пожарский и Иван Колтовский. Поляки и изменники решили огнем «выкурить» москвичей из занятых позиций. Предатель боярин Мих. Салтыков первый поджег свой дом. Страшный ветер способствовал распространению пожара. Москва пылала.

С помощью ополчения москвичи стали теснить поляков. Они спрятались в Кремле и в Китай-городе. Гонсевский слал гонцов к гетману Потоцкому под Смоленск и просил помощи.

А двинуть войско, не взяв Смоленска, король не мог. Неоднократные штурмы дорого обходились интервентам, под стенами крепости смоляне растрепали лучшие польские части — венгерско-немецкую пехоту. Польское «рыцарское» войско, не получая жалованья, разлагалось и теряло боеспособность. В ожидании получения средств и пополнения иностранных частей, о чем старались Л. Сапега и Вайер, польское командование нажимало на великих послов, требуя, чтобы они приказали смолянам сдаться.

Но если бы послы и предписали смолянам сдать крепость, то не подлежит сомнению, что Шеин и посадские люди не выполнили бы подобного приказа. Кроме того, упорство патриарха Гермогена помогло Шеину несколько сдерживать нажим смоленского духовенства и, в частности, архиепископа Сергия, который зимой 1610 — 11 года стал оказывать поддержку польским «доброхотам», выступая часто в качестве ходатая за арестованных изменников.

В конце января 1611 года И. Салтыков привез грамоту смолянам. В этой грамоте боярская дума приказывала Шеину сдать крепость королю, угрожая в случае неподчинения всякими карами. Эту грамоту смоляне получили и, как и прежде, отказались подчиниться. Правда, не обошлось и здесь без борьбы, но у Шеина был хороший козырь — отсутствие подписи патриарха Гермогена. Тогда королевская ставка делает новый ход — составляет усло-

[1] „Чтения в обществе истории и древностей российских", (стр. 114).

вия сдачи города, которые должны были от своего имени предложить смолянам послы.

Шеин и близкие к нему дети боярские и посадские люди знали, что поднялись рязанцы, ярославцы, костромичи и другие и готовят поход за освобождение государства от поляков. Такую информацию они получили и от великих послов и от их свиты. Нужно было выиграть время. В этом отношении затянуть переговоры с поляками было очень выгодно.

Кроме того, ведение переговоров успокаивало некоторые слои защитников, выбивало оружие из рук польских агентов, непрерывно натравливавших недовольных и колеблющихся на Шеина.

Наконец, после нескольких исправлений польские сенаторы передали в конце февраля или в начале марта условия договора смолянам.

15 марта 1611 года защитники дали свои ответные статьи на королевские условия. В своем ответе на королевские условия сдачи крепости защитники в вежливой и очень тонкой форме издевались над «его величеством»: принимая с благодарностью его заботы о церкви, его обязательство не мстить и т. д., в то же время просили короля со всеми войсками и чиновниками убраться во-свояси, — туда, откуда пришли.

Взбешенные ответом смолян, паны сорвали свою злобу на послах: их взяли под стражу, не позволили захватить необходимые вещи и не пустили на старые квартиры. Все это было сделано под пасху.

А в Смоленск пришло известие о бойне, учиненной поляками в Москве, и о наступлении народных ополчений.

Смоляне отказались вести переговоры о впуске королевских войск в крепость. Нужда в послах в королевской ставке миновала, и в середине апреля их посадили на баржу, предварительно ограбив, и под караулом повезли в Польшу.

Под Москвой уже собралось первое ополчение и загнало поляков и русских изменников в Кремль, где они отсиживались за высокими стенами. Гонсевский настойчиво просил помощи. Но король застрял под Смоленском, его крепко держали смоляне «ни за голову, ни за руце, ни за нозе, но за самое злонравное и жестокое сердце». Королю нельзя было двинуться, не захватив Смоленска. Из Польши доносили о растущем недоволстве его полити-

кой, большими расходами, жертвами, а «промыслов» было не видно. Там передавались остроты, анекдоты о походе короля, об осаде Смоленска. Престиж королевский явно страдал. Денег не было, задолженность «рыцарству» возрастала, все чаще они стали устраивать конфедерации.

Потеряв надежду добыть крепость переговорами, поляки снова решаются на штурмы. В мае несколько раз вели атаки, но Шеин, как говорит современник, «последними людьми бьющеся беспрестанно и к городу поляков не допускаша».

Гетман Потоцкий готовился к генеральному штурму крепости. Он использовал план смоленских изменников — кн. Морткина и Сущова — наступать с нескольких сторон. Привезенные из Слуцка новые пушки решено было установить с восточной стороны, против Авраамиевских ворот. Там же подготавливался подкоп, хотя использовать его не пришлось. Недалеко от Авраамиевских ворот готовили площадки, рыли шанцы. Эти работы не укрылись от внимания защитников. Из трех башен — Авраамиевской и двух соседних с нею, круглой и четырехугольной — громили смоляне врага, не давая днем возводить шанцы. Поляки опять перешли на ночные работы, но и ночью защитники старались им всячески мешать.

Подготовкой атаки с этой стороны руководил сам гетман Я. Потоцкий. С западной стороны тоже велись работы: исправляли разрушенные взрывом смолян шанцы, устанавливали пушки. Готовили поляки нападение и со стороны Днепра.

Эти подготовительные работы особенно напряженно велись в мае. Король и сенаторы торопились во что бы то ни стало захватить крепость к началу сборов поветовых сеймиков, а потом и сейма. Польское правительство знало, что если не удастся взять Смоленск и при наличии осады поляков в Москве, на сеймиках потерпят крах королевские планы продолжения московской войны. Нараставшее в Польше недовольство затянувшейся войной на сеймиках и сейме могло окончиться осуждением королевской политики и безусловным отказом в военном налоге, без которого продолжать военные действия было бы невозможно: войско отказывалось служить без выплаты жалованья.

Король посылал проклятья «окаменевшим в своем упорстве» смолянам.

Убеждая в январе 1609 года сейм, что покорить Московское государство и захватить предварительно Смоленск — дело очень легкое, король и сам верил, что «стоит обнажить саблю» — и Смоленск будет у его ног. Захват Смоленска был заветной мечтой панов, к нему они неоднократно в XVI веке протягивали свои жадные руки. «Покорение» Смоленска было бы использовано сенаторами для получения от сейма двойных, а может быть, и тройных налогов. В распоряжении короля оказались бы огромные средства, ему не нужно было бы вести споры с «рыцарями» и вечно уговаривать их.

Будь деньги, рассуждали сенаторы, король бы не лишился большого отряда, свыше 10 тыс. сабель, который ушел в начале 1610 года ко второму самозванцу. Обладай король средствами, можно было бы полки самозванца, когда его убили, бросить в рязанские и другие земли на русское народное ополчение.

Не раз вспоминал и гетман Жолкевский о недостатке средств, «которых при самом начале нам очень не доставало». [1]

А получение денег упиралось в быстрый захват Смоленска. Смоляне не только задержали королевское войско, но и разрушили планы польских захватчиков.

С тем большим остервенением польское командование торопилось покончить с «лукошком», как Салтыков назвал Смоленскую крепость.

За почти двухлетнюю осаду хвастливая шляхта десятки раз убегала побитая из-под стен; в это «лукошко» упала не одна сотня «рыцарских» голов. Но у панов оказались могучие помощники: голод и мор. Последнюю зиму перенесли немногие защитники. Весной здоровых мужчин оказалось, как утверждает Бер, три — четыре сотни. Мор прошелся прежде всего по рядам посадских людей — ремесленников, слобожан и крестьян, которые и составляли вооруженные силы крепости.

О роли посадских людей в защите города рассказывает автор «Новой повести». Он несколько раз вспоминает о защитниках Смоленска и каждый раз называет их горожанами, дивясь «той их граждан храбрости, крепости, великодушию и непреклонному уму». Автора, москвича, восхищает единодушие смоленских посадских людей. Он

[1] „Записки Жолкевского", стр. 34, 92.

подчеркивает, что «гражане» смоленские «все стоят единодушно и непреклонно и неподвижно умом и душею... хотят славне умерети, нежели бесчесне и горько жити». Эта устойчивость смоленских посадских людей восхищает автора именно потому, что они уже больше года отбиваются от хорошо вооруженной и сильной для того времени польской армии, упорно переносят все лишения — голод, мор. И автор с гордостью заявляет в своем обращении к русскому народу: «И каково мужество показали (смоленские горожане. — *Д. М.*) и какову славу и похвалу учинили во все наше Российское государство! Да не токмо в нашу во всю землю, но и во иншие орды, в Литовскую и Польскую и во иные многие: чаять и до Рима или будет и дале». Кроме этого, автор много раз указывает на значение обороны Смоленска, что «гражане» держат «супостата нашего злого короля». «Если бы не защита Смоленска, без всякого бы сомнения давно супостат наш у нас зде был». Автор «Новой повести» хвалу и благодарность воздает смоленским «сидельцам» от всей России. Он много раз призывает все другие города поревновать «крепкостоятельному городу». Автор разоблачает замыслы польского короля, показывает, что договор о воцарении королевича Владислава есть только «блазный оман и прелесть», а в самом деле «хотят нас конечно погубити и под меч подклонити и подружия наша и отроды в работу и в холопи поработити и имение наше пограбити, горше же всего и жалостнее — святую нашу непорочную веру в конец искоренити и свою отпадшую учинити, и сами в нашем достоянии жити». Внимание горожан и крестьян автор обращает еще на то, что польский король многих побьет, а кто останется в живых, должен будет «безмерные и неподъятные кормы» давать, «дани-оброки всякия тяжкия» нести, а товары, продукты за бесценок отдавать. Эта цель разоблачается в самых ярких и сильных выражениях. Данное разоблачение приобретает особое значение, если учесть, что в это время Владислав изменниками-боярами был приглашен на московский престол, и его именем в Москве правили поляки и польские «доброхоты». Этих предателей-бояр автор пригвоздил к позорному столбу, заявив, что они не «земледержцы», как они любили себя называть, а «землесъедцы», не «правители», а «кривители», предатели, рабы врага. Свое страстное пожелание автор обращает не к боярам, духовенству и дворянам, а к народу и прежде всего — к горожанам,

так как наши «благородии зглупали и душами своими пали навеки». Одни из них врагу-супостату «нас всех выдали да нетокмо выдали, ино заедино с ними, со врагами, вооружилися вкупе и хотят нас всех погубити», другие «ничего не могут учинити и не смеют стати».

В своем послании автор дает целую программу действий. Наряду с многочисленными и горячими призывами восстать, он рекомендует вооружаться: «и препояшемся оружием телесным», «совет между собою чинити, тако бы нам от тех врагов своих избыти», защитить Гермогена, помочь смолянам: «станем храборски, — говорится в «Новой повести», — за православную веру, за православное христианство и не подадим того пастыря и учителя и крепкого поборника по вере православной и того нашего православного града, иже за всех за нас тако же стоит и сопостата нашего держит». Дальше автор призывает поступить с врагами, с изменниками так, как это сделали смоляне, которые «многих доброхотных их, а наших врагов перерубили и перегубили и позорные смерти многим давали». Это обращение указывает, что во второй период осады Смоленска патриоты во главе с Шеиным довольно решительно расправлялись с изменниками, польскими доброхотами. И, наконец, автор призывает к объединению всех сил и самопожертвованию: «и постоим, вкупе крепостне... за свое отечество о достоянии и лучше изберем славную смерть... нежели зде бесчестное и позорное и горькое житие под руками враг наших». «Поревнуем и подивимся великому оному нашему граду Смоленску».

Но приближалась развязка. Польское командование напрягало все силы, чтобы покончить со Смоленском.

Еще раньше, во второй половине 1610 года, есть упоминание, что подкоп с западной стороны вел какой-то смолянин, перебежавший в стан врага. Советы кн. Морткина и Сущева — об одновременном ударе с нескольких сторон гетман Потоцкий претворяет в жизнь. Особую услугу оказывает интервентам смоленский Иуда — Андрей Дедевшин, который принимал участие в постройке крепостной стены. Он хорошо знал ее слабые места. Дедевшин указывает полякам на один участок с восточной стороны, около Авраамиевских ворот, который строили поздней осенью, где кирпичи были плохо сцементированы. Против этого участка поляки возводят шанцы и устанавливают орудия. Штурм крепости с нескольких сторон для защитников был

особенно опасен именно летом 1611 года, когда в крепости осталось 300 — 400 человек здоровых, способных носить оружие. Остальные или вымерли, или были убиты, или, обессиленные, страдали тяжелыми болезнями. Некоторые утверждают, что в крепости свирепствовала цынга. Теперь смолянам трудно было выставить необходимый заслон из воинов.

Шеин и посадские люди, несмотря на слабость своих сил, все же не согласились сдаться. Они решили выполнить свою клятву, данную в первые дни осады: помереть, а польскому королю не поклониться. Несколько дней перед атакой поляки громили стены крепости с двух сторон — восточной и западной.

Смоляне несколько ночей с часу на час ожидали штурма. Женщины и дети работали, помогая воинам возводить укрепления, таскали камни, песок на стены.

Особенно разрушительной артиллерийская стрельба была 2 июня. Авраамиевские ворота и прилегавший к ним участок стены сильно пострадали. Польские пушки громили уже насыпь за воротами. Та же картина наблюдалась и на участке старых проломов, с западной стороны.

Как только стемнело, поляки пошли на штурм. В пролом Авраамиевских ворот, в полночь на 3 июня врываются гусары, которыми командовал сам гетман Потоцкий. В это же время проломы западной стороны штурмуются немецкой пехотой. На этой стороне обороной руководит сам Шеин. Небольшой горстке смолян удается отбить атаку и вышвырнуть немцев из захваченной ими башни. Но у Авраамиевских ворот враги потеснили защитников и овладели воротами. Шеин спешит подать помощь к Авраамиевским воротам. Но в довершение всех бед поляки делают большой пролом у Крылошевских ворот со стороны Днепра. Там пан Новодворский подложил петарду в водосточную трубу и разрушил стену. В этот пролом, который никто не защищал, беспрепятственно ворвался с несколькими ротами Дорогостайский. К пролому поспешили защитники. Но было поздно. Все торжище захватил Дорогостайский. К нему прибывали новые и новые силы. У Днепровских ворот завязалась горячая сеча. Под натиском в несколько раз превосходящих сил врагов защитники с боем начали отступать в гору по Родницкой улице, устилая путь трупами наседавших польских гусар.

«Рыцари» пана Дорогостайского спешили раньше своих собратьев ворваться в собор Мономахов, где хранились

драгоценности, чтобы «промыслить» побольше трофеев, т. е. пограбить.

В этот собор, за его стены, бежали семьи смолян. Защитники упорно отбивались от озверевших солдат Дорогостайского. Немногие смоленские воины отступили в собор. По городу гуляли молодчики гетмана Потоцкого. Шеин со своим небольшим отрядом был отрезан. На него наседали с двух сторон: немецкая пехота и казаки гетмана. Мужественный воевода продолжал отбиваться. Около него осталось 15 человек воинов да семья — жена, дочь и сын.

Женщины, дети и часть защитников заперлись в соборе. На невысокие стены соборного холма со всех сторон лезли поляки. Спасения не было. Смолян ожидала смерть или кабала. Защитники выбрали первое — решили взорвать собор. Некто Белавин поджег огромные запасы пороха (около 8 тысяч пудов), хранившиеся в подвалах собора. Страшный взрыв разрушил собор, похоронив под его развалинами несколько тысяч жителей, не пожелавших «поклониться польскому королю». Немногие оставшиеся в живых бросались в огонь, ища там спасения от поработителей. Этот момент подтверждает по рассказам очевидцев, и гетман Жолкевский. «Многие, — пишет он, — подобно как в Москве, добровольно бросались в пламя».

Остался Шеин с пятнадцатью воинами на Коломенской башне. Он тоже хотел погибнуть, но мольбы и просьбы дочери и сына, которым гетман Потоцкий обещал сохранить жизнь и позаботиться о них, заставили Шеина сдаться.

Героизм смоленских защитников так описан у Карамзина:

«Россияне зажгли порох и взлетели на воздух с детьми, имением и славой. От страшного взрыва, грома и треска неприятель оцепенел, забыв на время свою победу, и с равным ужасом видя весь город в огне, в который жители бросали все, что имели—драгоценности и сами с женами бросались, чтобы оставить неприятелю только пепел, а любезному отечеству пример добродетели. На улицах и площадях лежали груды тел сожженных. Смоленск являлся новым Сагунтом, и не Польша, но Россия могла торжествовать сей день великий в ея летописях».

Король хотел было послать войска к Москве на выручку поляков и бояр, осажденных первым ополчением, но «рыцарство» потребовало жалованье за прошлую четверть.

Королевская казна давно была пуста. Надеялись поживиться в Смоленске, но защитники вместе с собой похоронили ценности. Тем самым смоляне оказали еще одну огромную услугу Родине: королю нечем было расплатиться с войском. «Рыцари» отправились в Польшу и Литву «в королевские имения» ожидать жалованья. Вскоре туда же и за тем же двинулись некоторые польские полки из-под Москвы. В Смоленске был оставлен небольшой гарнизон во главе с Потоцким, назначенным смоленским воеводой.

Благодарный советский народ никогда не забудет великих дел смолян и воеводы М. Б. Шеина.

Значение героической почти двухлетней (с 1609 по 1611 г.) обороны Смоленска для Московского государства было огромно. Смоленск задержал польское войско, не дал Сигизмунду «опростаться» и тем самым позволил собраться первому ополчению, позволил подготовить воинские силы для отпора полякам. Смоленский пример, смоленские грамоты разогрели сердца русского народа и подготовили почву для успешного выступления Минина и Пожарского. Страна была спасена от «угрозы порабощения русского народа польскими панами».

Захватив 3 июня Смоленск, польский король Сигизмунд поручил своему племяннику, воеводе Потоцкому, как можно быстрее восстановить крепостную стену и обеспечить надлежащую оборону. После освобождения Москвы от поляков и избрания Михаила Романова московское правительство бросило все силы на очищение государства от польских шаек, особенно разорявших южные окраины страны. Возвращение Смоленска было одной из главнейших задач. В марте 1613 года были посланы армии на запад. Воеводы Д. Черкасский и М. Бутурлин из Калуги направились в Смоленскую землю; освободили Серпейск, Мещовск, потом двинулись вслед за отступающими польскими отрядами к Вязьме. Оттуда пошли к Дорогобужу, освободили его, потом взяли крепость Белую. Эти успехи вызвали в Москве большую радость, воеводам были посланы подарки. После освобождения крепости Белой московские войска направились к Смоленску. Там оказался большой польский гарнизон, хорошо подготовленный к осаде. Оправдывались слова М. Трубецкого, который в ответ Б. Годунову на громкое название Смоленской крепости—ожерелье Московского государства,—заявил, что «как в том ожерелье заведутся вши, то их будет и не выжить».

Разоренное и ослабленное интервентами (поляками и шведами) Московское государство не могло найти нужных сил и средств для успешной осады Смоленска. Московская армия под Смоленском под влиянием тягот зимней кампании постепенно таяла, а новых пополнений в нужном количестве присылать было неоткуда. Отсутствие тяжелой осадной артиллерии исключало возможность успешного штурма такой первоклассной крепости. Осада Смоленска велась вяло и надолго затянулась. Польское правительство, задолжавшее войску за осаду Смоленска в 1609—11 г.г. большие деньги, никак не могло с ним рассчитаться. И, как рассказывает польский офицер Маскевич, польские рыцари (жолнеры) разбрелись по господарским имениям и разоряли страну, требуя расчета за старую службу. Поэтому набрать новое войско полькое правительство тоже долго не могло. Польша вынуждена была искать мира. В мире остро нуждалось и разоренное Московское государство. Кроме того, в московское правительство—в боярскую думу снова пробрались старые «кривители земли русской», или «землесъедцы», как их называет автор «Новой повести», вроде бояр Салтыковых, Лыковых и других, которые, как видно из следственного дела над М. Салтыковым, «себя богатили, домы свои и племя полнили, земли крали, и во всех делах делали неправду... службы государю не показали». Эти бояре «доброхотствовали» польскому королевичу Владиславу, относились к новому царю с пренебрежением, называли его «плюгавством».

Истинные патриоты, освободители Москвы—кн. Дмитрий Пожарский, Кузьма Минин вскоре были отодвинуты на задний план родовитыми князьями и боярами. Поведение этого боярства еще больше дезорганизовало и без того разоренное государство. Польское правительство ведением мирных переговоров сумело выиграть время, чтобы подготовить общественное мнение, рассчитаться в известной мере со старой задолженностью жолнерам, собрать новые силы для организации нового похода на восток.

Главным спорным моментом в мирных переговорах является Смоленский уезд. Гетман коронный Ян Ходкевич 26 июня 1615 года писал московским послам: «из Смоленска мы не отступимо, который нам надлежит».[1] Это требо-

[1] А. З. Р., т. IV, № 194.

вание поляки упорно защищали и в последующих встречах с московскими послами.

В мае месяце 1617 года польское правительство сумело организовать поход королевича Владислава. Почти без боя польская армия дошла до Вязьмы, но под Можайском получила отпор. Наступили холода, война затягивалась, в польском войске началось разложение. Московское правительство этим не воспользовалось, вместо объединения сил и организации наступления оно распылило армию на границы и заняло оборону.

На следующий год (1618) Владислав предпринимает поход на Москву, штурмует ее, но терпит неудачу. Радные паны, боясь остаться в Московском государстве на вторую зиму, начинают мирные переговоры. Долго спорят польские послы, угрожают новыми самозванцами, смутами. В конце концов в деревне Деулино было заключено перемирие на 14½ лет, по которому почти весь Смоленский уезд, за исключением Вязьмы и ее волости, остались за Польшей. Произошел обмен пленных. В Москву вернулись митрополит Филарет — отец царя, смоленский герой М. Б. Шеин и другие. Филарет, вернувшись из плена, пытался очистить боярскую думу и приказы от «доброхотов» Владислава, но натолкнулся на упорное сопротивление и, к сожалению, нужных результатов не добился.

Московское правительство, руководимое Филаретом, не думало мириться с потерей Смоленска, залечивало раны и готовилось к новой войне с Польшей — собирали казну, вводили постоянное войско по европейскому образцу, заготовляли вооружение, осадные, тяжелые пушки, приглашали военных специалистов и т. д. Все эти мероприятия зачастую встречали сопротивление со стороны ряда бояр или проводились ими исключительно нерадиво. Не раз слагалась благоприятная международная обстановка для выступления против Польши — шведы предлагали военный союз, крымские татары воевали Польшу, украинское население поднимало восстание против польских панов, но боярская дума все колебалась, не решаясь нарушать Деулинского перемирия. Когда же Польше удалось преодолеть внешние и внутренние трудности, в Москве решили начать войну (1631 г.). Назначенные воеводами князь Черкасский и Лыков не спешили выполнить царский приказ и целый год волынили, спорили о местах, ругались. Смерть польского короля Сигизмунда (апрель 1632 г.) несколько

подтолкнула организацию похода. Филарет настоял на замене воевод и во главе армии поставил М. Б. Шеина. Старый, преданный родине воин на приеме у царя резко отчитал многих бояр за их прежние дела, за «доброхотство» Владиславу, что озлобило их еще больше и в дальнейшем они зло отомстили Шеину. Из-за саботажа некоторых бояр он смог выступить в поход на Смоленск только 6 сентября, с началом распутицы, чего в прошлом не делалось. Несмотря на неблагоприятные условия — осень, отсутствие достаточного количества снаряжения, недостачу войск, Шеин успешно очистил Смоленский уезд и осадил крепость. Отсутствие «тяжелого снаряда», т. е. осадных пушек, а потом и острая нехватка крупных ядер делали почти невозможным штурмы Смоленской крепости. Вторжение татар в Московскую Украину вызвало массовое дезертирство служилых людей тех районов. Московские бояре не боролись с дезертирством, не посылали Шеину подкрепления, а после смерти Филарета (1633 г.) саботаж принял открытые формы.

В это время избранный польским королем Владислав, собрав свежую армию, пришел на помощь польскому гарнизону, осажденному в Смоленске. Перевес сил сделался явно в пользу поляков. Армия Шеина, состоящая преимущественно из наемных солдат и офицеров, оказалась неспособной. Как сообщает польский современник, многие иностранные солдаты и офицеры переходили на сторону поляков. Шеину пришлось перейти к обороне, устроив укрепленный лагерь в 4 км. от Смоленска (ныне деревня Шейновка). Он слал гонца за гонцом в Москву, прося помощи. Царь Михаил еще 11 сентября 1633 года обещал Шеину «скорую помощь». В Можайске была собрана армия, но в течение полугода никак не смогла двинуться к Смоленску. В конце концов иностранные наемные полки взбунтовались и их командиры через голову Шеина сговорились с поляками о капитуляции, что в феврале 1634 года было и сделано. Когда Шеин вернулся в Москву, бояре, фактически провалившие смоленский поход, обвинили Шеина в измене родине и царю и казнили.

Снова Смоленск остался за Польшей. Прошло почти двадцать лет. Перемерли старые бояре, которые «доброхотствовали» Владиславу. В конце сороковых годов XVII века снова началась борьба украинского народа против польских панов. Эту борьбу возглавил Богдан Хмельницкий.

который обратился за помощью к Москве и просил пр
нять Украину в состав Московского государства. В янва
1654 года было оформлено это присоединение. Польско
правительство объявило войну Москве.

Против Польши были посланы три армии — северна
центральная и южная. Во главе наиболее мощной, центра
ной, которая направилась к Смоленску, стал сам царь Але
сей Михайлович. Хорошо подготовленный поход быст
принес свои результаты. Московские войска осадили См
ленск. Недалеко от Орши московские воеводы дваж
разбили польскую армию, которой командовал коронны
гетман Радзивил. Мощные штурмы Смоленской крепост
начавшиеся 16 августа, заставили польский гарнизон капит
лировать. 3 октября 1654 года Смоленск окончательно
навсегда был возвращен в состав Московского государств
Так закончилась многовековая борьба Москвы с Польше
за ключ-город, за Смоленск. Московское правительство пр
няло нужные меры по укреплению Смоленска. Много вн
мания в период русско-шведской войны уделил Смоленск
царь Петр I — была основательно отремонтирована стар
крепость, возведены дополнительные укрепления на запа
ной стороне и за Днепром, заменены старые орудия нов
ми образцами, значительно увеличен был гарнизон. Пет
готовился к генеральному сражению со шведами под См
ленском, но Карл XII не пошел на Москву через Смолен
а повернул на Украину и там под Полтавой был разб
наголову.

В дальнейшем русское правительство продолжа
укреплять Смоленск. Хотя границы России все дальш
отодвигались на запад, Смоленск продолжал оставаться ва
нейшим военно-стратегическим узлом. В начале XIX века ем
еще раз в тяжелую для нашей страны годину пришлось сы
рать большую историческую роль.

IX. НАРОДНАЯ ВОЙНА НА СМОЛЕНЩИНЕ В 1812 ГОДУ

Вступление

В 1812 году наша необъятная родина подверглас
новому большому испытанию. В ночь с 23 на 24 июня втор
глась в пределы России огромная армия, возглавляем
величайшим полководцем своего времени. Наполеон мечта
покорить Россию и сделать ее своим орудием в осуще

лении бредовой идеи мирового господства. Не знавший поражений, обладавший богатствами всей Европы, Наполеон был заранее уверен в своей победе. Уверенность эта подкреплялась тем, что русские военные силы численностью были в два раза слабее и разбросаны по границе протяженностью в 600 километров. Наполеон был убежден, что война после первой удачной битвы закончится быстро, в удачном исходе любой битвы он не сомневался. Неоднократно в беседах он подчеркивал, что русское дворянство — сословие своекорыстное, развращенное, не способное к жертвам, что оно при первой неудаче заставит императора Александра просить мира и согласиться на все условия.

Над русскими армиями нависла страшная опасность — быть уничтоженными поодиночке. Русское командование приняло единственное верное решение: соединить первую армию Барклая де-Толли (118 тысяч) со второй — Багратиона (35 тысяч), а для этого нужно было избежать сражения с превосходящими силами Наполеона. Местом соединения армий был намечен, в конечном счете, Смоленск. Наполеон принимал все меры, чтобы не допустить этого соединения. Против Багратиона, имевшего 6 дивизий, Наполеон бросил 12 дивизий во главе с одним из своих способнейших генералов маршалом Даву.

Ученик Суворова, князь Багратион умело уходил от кружавших его французских войск, искусным маневром перехитрил маршала Даву, вырвался из полукольца, переправился через Днепр у Нового Быхова и ушел к Смоленску. Главные русские силы — первая армия Барклая де-Толли отступала через Дриссу, Полоцк, Витебск на Смоленск.

Наполеон жаждал генерального сражения. Он надеялся иметь его под Вильно, Дриссой и, наконец, под Витебском. Но Барклай де-Толли, наперекор настояниям придворных кругов, приближенных Александра I, избегал битвы с французскими войсками, предвидя поражение и гибель армии.

Отступление русских армий вызывало ропот у многих недальновидных дворян, которые боялись, что вторжение Наполеона приведет не только к разорению их поместий, но и к восстанию крепостных крестьян. После соединения армий под Смоленском (3 августа), под влиянием этих настроений, принимается решение двинуться к Витебску на-

встречу Наполеону и дать бой. Хотя Барклай де-Толли вы нужден был присоединиться к этому решению, но не бро сился, сломя голову, на врага. Русские войска долго мане врировали между Смоленском и Рудней.

Наполеон, потерпев неудачу в попытке разгромить русские армии поодиночке и желая вынудить Барклая де Толли принять сражение, решил отрезать русские войска от Москвы, перехватить Московскую дорогу у Смоленска. 12 августа главные силы французов выступили из Ви тебска в обход Рудни, у деревни Россаны переправи лись через Днепр и вышли на Краснинский большак. Война переносилась на территорию Смоленской губернии.

С вторжением вражеских войск в Смоленскую губернию борьба с ними принимает характер народной войны.

Ведь Смоленская область издревле была нерушимой частью России. Смоляне с XIII века вели непримиримую борьбу с иноземными захватчиками и тянулись под мо гучую руку Москвы. Поэтому не удивительно, что идея создания земского ополчения родилась именно в Смо ленске, откуда распространилась на всю страну. Идею эту впервые выдвинул престарелый отставной генерал-майор Дмитрий Егорович Лесли. Когда французские войска вторглись в Россию, Дмитрий Егорович послал с письмом своих четырех сыновей к смоленскому губернскому предводителю дворянства с предложением услуг — стать в ряды защит ников родины, обещая на свои средства и своими силами создать вооруженный отряд, призывая к этому дворянство губернии. Было созвано дворянское собрание, которое с воодушевлением приняло предложение Лесли о создании земского ополчения. В одной из речей говорилось: «Уже ве роломный враг вторгся в пределы наши... Презрения тот достоин, кто в нынешних обстоятельствах не предпочтет всем личным выгодам защиту Отечества... Ополчимся и, взяв оружие чести и славы, пойдем — пойдем, победим или умрем!.. Любовь россиян к России будет для Наполеона оплотом непреодолимым; от сей любви все прежние его успехи послужат к славе России, все большие его победы обратятся к его пагубе, все его победы обратятся к славе нашей, к славе россиян, к славе России!».

Губернское дворянское собрание решило организовать ополчение в количестве до 20 тысяч человек. Были выде-

лены командиры подразделений, создан штаб, приступили к вооружению и обучению ополченцев, обеспечили их всем за свой счет.

Предводитель дворянства обратился с рапортом к Александру I о патриотическом движении жителей губернии. Рапорт заканчивался словами: «Смоленская область с давних лет известна по своей готовности и предприятиям к защите Отечества». Этот рапорт был отправлен в Дриссу, где находился с войском Александр. Инициатива смолян послужила толчком к обнародованию Александром манифеста о создании ополчений в других губерниях России.

Когда враг находился еще вдали от границ Смоленщины, по губернии начали производить сбор пожертвований. Было собрано пожертвований на сумму около 10 миллионов рублей и дополнительно около 900 тысяч пудов муки, 160 тысяч пудов овса и 43 тысячи голов скота. Величина Смоленского ополчения твердо не установлена и, по признанию многих современников, достигала 20 тысяч человек. Командный состав ополчения, как и следовало ожидать, состоял из дворян в количестве 300 человек. Горожан в ополчении было 378 человек, удельных и казенных крестьян — 1386, а остальные ратники — помещичьи крестьяне.

Первым действующим подразделением ополченцев были ратники отряда братьев Лесли, которые раньше других организовали обучение своих крестьян и дворовых и влились в действующую армию, попав в распоряжение генерала Оленина. Его отряд нес караульную службу на границе Смоленской губернии.

Отправляясь из Смоленска по направлению к Рудне, Багратион предусмотрительно прикрыл подходы к Смоленску с западной стороны дивизией Неверовского, которая расположилась около Красного. Эта полководческая предусмотрительность спасла русские армии от разгрома и сорвала план Наполеона отрезать им отход на восток. Как известно, Наполеон воспользовался попыткой русского командования предпринять наступательные операции от Смоленска к Витебску и хотел ловким маневром зайти русским армиям в тыл, окружить их у Смоленска и разбить.

Багратион, отражая настроения русского дворянства не пустить Наполеона в глубь страны, категорически настаивал на наступлении из Смоленска к Витебску. Но

прозорливость полководца Суворовской школы заставила его позаботиться о прикрытии хотя бы незначительными силами своего фланга (Краснинский большак), что в дальнейшем и спасло русские армии от катастрофы.

Когда русские войска отдалились от Смоленска к Рудне, Наполеон применил неожиданный маневр и главные силы — семь корпусов и гвардию направил к Днепру. 13 и 14 августа совершилась переправа при деревнях Россаны и Холмине на левый берег огромной армии до 180 тысяч человек, чтобы быстрым маршем достигнуть Смоленска и закрыть русским путь на Москву. Впереди шла конница Мюрата, наиболее мощная, боевая и подвижная единица, направляясь к Красному. В местечке Ляды стоял разведывательный отряд Оленина, в составе которого находились первые смоленские ополченцы братьев Лесли. Смолевские ратники несли наиболее опасную и ответственную службу разведки и находились на аванпостах. Они первыми заметили переправлявшегося через Днепр противника и приняли участие в первой стычке у Ляд с конницей Мюрата. 14 августа Неверовскому донесли о движении большого количества неприятельских войск — «француз валом валит». Он вначале не хотел верить, что главные силы Наполеона, стоявшие в Витебске, оказались на левом берегу Днепра. Но, убедившись, что это так, он немедленно отправил адъютанта к Багратиону и приступил к организации обороны Красного. Неверовский хорошо понимал, что только задержкой движения войск Наполеона можно спасти русские армии, а с ними и Россию. Это он сообщил каждому офицеру и предупредил солдат об их огромной ответственности перед Отечеством. Неверовский знал, что ожидает его небольшой отряд, состоящий из нескольких тысяч новобранцев. Выбора для русского патриота не было — надо погибнуть, но спасти Родину, задержать неприятеля. Два лучших маршала Наполеона — Мюрат и Ней, обладавшие силами, в несколько раз превосходящими дивизию Неверовского, предпринимают штурм за штурмом. Солдаты, воодушевляемые Неверовским, который всегда со спокойным видом находился на самых опасных местах, героически отражали яростные атаки врага. Маршал Мюрат, терпя неудачи, все больше ожесточался и бросал полк за полком на русских героев. Сорок раз водил Мюрат в атаку свою прославленную конницу. В рядах дивизии Неверовского в гражданской одежде сража-

лись ратники Лесли, а он сам в сюртуке яростно водил смолян в контратаки и отбрасывал врага. На предложение французов сдаться в плен солдаты Неверовского дружно отвечали: «Умрем, а не сдадимся!». Ряды защитников таяли, но большой урон понес и враг. Неверовский остатки своей дивизии построил в каре, так как приходилось отбиваться от налетавшей со всех сторон конницы Мюрата. Французским маршалам не удалось расчленить строй русских воинов. «Русские всадники, — писал француз-очевидец, —казались со своими лошадьми вкопанными в землю»... После ожесточенного боя Неверовский решил медленно отступать к Смоленску, всячески сдерживая наседавшего врага. Французы называли это движение «львиным отступлением». Каждый раз, когда французы особенно наглели, отряд Неверовского поворачивался и отбрасывал врага. Наполеон возмутился, когда узнал, что маршалы не захватили в плен дивизии Неверовского. Секретарь Наполеона писал, что «самая блистательная храбрость наших солдат истощается; ударяя в густую колонну, они рубят ее, но не могут сломить». Другой француз-очевидец заявил, что «храбрые русские войска, несмотря на то, что были окружены со всех сторон, отступали в порядке к Смоленску».

Бой под Смоленском

Багратион, узнав из донесений Неверовского о маневре Наполеона, быстро повернул армию к Смоленску и приказал корпусу Раевского, который был в хвосте армии и ближе других к Смоленску, спешить на помощь к Неверовскому. Поредевшую 27-ю дивизию Неверовского в шести километрах от Смоленска встретил отряд Паскевича, которого отправил Раевский. 16 августа утром вся наполеоновская армия подошла к Смоленску с западной стороны. Генералу Раевскому пришлось продолжить задачу Неверовского — задержать Наполеона под Смоленском, пока вернутся русские армии из-под Рудни и займут Московскую дорогу. 13-тысячный корпус Раевского должен был выдержать натиск огромной армии Наполеона. Мужественный воин, генерал Раевский знал, как и Неверовский, что дело идет о спасении русских армий и, значит, России. В составе корпуса Раевского был и Смоленский полк, который дрался в Мстиславльском предместьи.

Неожиданное появление Наполеона вызвало в городе большой переполох. Раньше власти всячески удерживали население Смоленска от эвакуации в тыл, а теперь губернатор Аш со своими чиновниками уехал из города, бросив население на произвол судьбы. Вице-губернатор Алымов организовал вывоз ценных вещей и губернской казны. Ночью с 15 на 16 августа ключарь собора Василий Соколов вынес икону богородицы Одигитрии, которая считалась со времени Владимира Мономаха покровительницей города. Впоследствии смоленская икона перешла «на вооружение» русской армии. Барклай де-Толли передал ее артиллерийской роте полковника Глухова. Перед Бородинским боем 6 сентября смоленскую икону носили по полкам. После изгнания французов из Смоленской губернии Кутузов распорядился вернуть икону в Смоленск.

Наполеон подковой от Кловки до Рачевки обложил город многочисленным войском. После артиллерийской подготовки утром 16 августа корпус маршала Нея тремя колоннами пошел в атаку. Центральная колонна во главе с Неем двигалась на Королевский бастион. Огонь 70 русских орудий не остановил наступающих. Неся большие потери, французы рвались вперед, уже преодолели ров и лезли на вал. Подоспевший Орловский полк сбросил французов в ров. Несколько раз французы бросались на бастион, устилая подножие вала трупами, но всякий раз полки Паскевича отбрасывали их. Маршал Ней впереди 46-го линейного полка бросился в атаку с целью захватить бастион, проявляя при этом исключительную храбрость, но и это не помогло. Паскевич поднял Орловский полк в штыки, его поддержали соседние полки, и французы были выбиты из рва и прогнаны на исходные позиции. Атаки французов были отражены также и на других участках.

Многие жители города оказывали помощь войскам: кто, подобрав оружие врага, помогал отбивать атаки, кто выносил раненых с поля боя. После неудачных штурмов Наполеон приказал громить укрепления и город артиллерией. Около полудня к городу форсированным маршем подошел со второй армией Багратион. Ночью на 17 августа прибыла и первая армия Барклая де-Толли. Обе армии расположились на правом берегу Днепра. Тем самым план Наполеона отрезать под Смоленском путь отхода русским войскам был сорван — вначале героическими бит-

вами дивизии Неверовского, а потом мужественной обороной Смоленска корпусом Раевского. Но опасность еще не миновала. Наполеон мог перехватить Московскую дорогу, двигаясь левым берегом Днепра, у Соловьевой переправы или у Дорогобужа. Ночью Барклай де-Толли и Багратион решили предупредить Наполеона и спешно занять Соловьеву переправу и город Дорогобуж.

Крестьяне Смоленского уезда оказали неоценимую помощь русской армии тем, что быстро навели две переправы через Днепр у Соловьева. Вторая армия во главе с Багратионом ночью с 16 на 17 августа выступила для занятия переправы у Соловьева и города Дорогобужа.

Корпус Раевского на позициях под Смоленском сменили полки корпуса Дохтурова. В 4 часа утра 17 августа французы начали ураганный обстрел Смоленска и его крепости. Обстрел чередовался со штурмами. Русские батареи, поставленные на высотах правого берега Днепра, вели интенсивный ответный огонь по французским позициям. Наполеон ждал, что откроются смоленские ворота и выйдут русские войска, чтобы вступить в генеральное сражение. Но Барклай де Толли не хотел итти на явное поражение.

Атаки начались на Никольское предместье и Рачевку, которую обороняла дивизия генерала Скалона. В ожесточенной битве погиб Скалон, погибло и несколько вражеских генералов. Даже закаленные бойцы 27-й дивизии не могли выдержать сильного напора врагов, которые на глазах Наполеона гибли тысячами, а все рвались к крепости. В самый разгар боя среди отступавших полков 27-й дивизии появился их любимец генерал Неверовский. Отвага и мужество героя вдохновили солдат, они вслед за Неверовским бросились в атаку и выбили врага из предместья. Сильный удар направил Наполеон на Молоховские ворота, предместье у которых защищала дивизия генерала Коновницына. Генерал был ранен, но не ушел с поля боя, продолжая командовать полками. Наполеон приказал усилить обстрел города. 150 пушек непрерывно громили крепостную стену и центр города. Ураганный огонь в течение нескольких часов произвел в городе страшное опустошение. Смерть косила людей. Трупы запрудили улицы. Пожар быстро охватил город. «Этот огромный костер церквей и домов был поразителен. Все в безмолвии не могли свести с него глаза»,—рассказывает очевидец. Другой срав-

нивал пожар Смоленска с извержением Везувия, когда ночь под городом была превращена в день. Чудовищная ярость Наполеона, который хотел сломить волю к сопротивлению, не принесла ему победы. По всем участкам русские чудо-богатыри отбили бешеные атаки во много раз сильнейшего противника. В 7 часов вечера атаки возобновились, но с тем же результатом. Особенно трудно было отстоять мост через Днепр — единственный путь к отступлению. В донесении Александру I Барклай де Толли писал: «Приступы неприятеля были наижесточайшие и отважные, но в возмездие того и потеря его столь чрезвычайна, что наш урон даже ни мало не может войти в сравнение с неприятелем».

Наступила ночь. Умолкла канонада. Но продолжал бушевать пожар; горел город, горели заднепровские посады. «Зрелище пожара было настолько зловещим, что жители сравнивали его с светопреставлением и спешили уходить из города, чтобы не погибнуть в бушевавшем пламени». За день и за ночь город почти сгорел — из 2500 домов осталось в садах и на окраинах 350. Ночью Барклай де-Толли решил город оставить. Он доносил Александру следующее: «Цель наша при защищении развалин Смоленских стен состояла в том, чтобы, занимая там неприятеля, приостановить исполнение намерения его достигнуть Ельни и Дорогобужа и тем предоставить князю Багратиону нужное время прибыть беспрепятственно в Дорогобуж. Дальнейшее удержание Смоленска никакой не может иметь пользы, напротив того, могло бы повлечь за собой напрасное жертвование храбрых солдат. По сему решился я, после удачного отражения штурма приступа неприятельского, ночью с 5 на 6 число оставить Смоленск, удерживая только Петербургский форштадт, и со всею армией взять позицию на высотах против Смоленска, давая вид, что ожидаю его атаки». Хитрость Барклая де-Толли удалась блестяще, и Наполеон не смог захватить Дорогобуж и тем отрезать отступление русских армий. Наполеон 16 августа заявил, что держит Барклая де-Толли в руках, что, наконец, вынудил его дать генеральное сражение под Смоленском. Но когда 18 августа русская армия ушла, а Дорогобуж захватить Наполеон опоздал, то возмущению его не было предела. Он со злобой ругал Барклая де-Толли, называл его бездарностью, тупицей, трусом за то, что оставил Смоленск, не дав решительной битвы. Наполеон понял, что

его умело обманули. В 4 часа утра корпус Дохтурова оставил город, сжег мост и перешел в Заднепровье. Вместе с отступающими войсками уходили многие жители Смоленска, лишившись всего имущества.

Оставление Смоленска вызывало недовольство в армии, многие офицеры роптали, солдаты ворчали. Говорили об измене. Эти настроения настолько были сильны, что брат Александра Константин подъехал к толпе беженцев-смолян и обратился с такой речью: «Что делать, друзья, мы не виноваты. Не допустили нас выручать вас. Не русская кровь течет в том, кто нами командует. А мы, и больно, но должны слушать его. У меня не менее вашего надрывается сердце». Имели место случаи, когда русских солдат силой выгоняли из города: они хотели драться насмерть, а не отступать. Рано утром польская бригада вступила в горящий, мертвый город, заваленный трупами людей и лошадей. В 8 часов утра в город среди обгорелых и безлюдных развалин въехал Наполеон. Французский офицер Сегюр так описывает эту сцену: «Спектакль без зрителей, победа почти без плодов, кровавая слава, дым, который, окружая нас, был, казалось, единственным нашим приобретением». 18 августа имел место небольшой бой в Заднепровьи, которое охраняла бригада Потемкина, чтобы задержать французов при переправе через Днепр и тем самым позволить спокойно отступать главным силам на восток. Полки маршала Нея упорно рвались захватить Заднепровье, чтобы быстро организовать переправу французских войск. Горсточки русских солдат мужественно отражали нажим врага. Русские стрелки рассыпались по берегу Днепра и метко поражали французов, не давая им переправляться на правый берег. Много неизвестных героев погибло в этой борьбе. Один из них, укрывшись за ивами, вел непрерывный и исключительно меткий огонь, не зная промаха, как современный снайпер. По этому одиночному стрелку французы открыли залповый огонь из ружей. Ничего не помогало. «Волшебный» стрелок, как его назвал один француз, продолжал бой и каждый его выстрел выводил кого-либо из строя. Обозленные французы подвезли пушку и начали губительный обстрел этого героя. Ивы, у которых залег «волшебный» стрелок, были разбиты вдребезги, а русский егерь продолжал свое патриотическое дело. Он, как известный рязанский богатырь Евпатий Коловрат, бросившийся с горсткой людей на полчища Батыя и заста-

вивший татар пустить в ход крепостные балисты, состязался с целым французским подразделением, которое засыпало храбреца пулями и ядрами. Только к вечеру замолчал смоленский Евпатий Коловрат. На другой день французские артиллеристы, перейдя на правый берег, разыскали место, откуда вел огонь «волшебный» стрелок, и нашли его среди обломков и убитым.

Следующее крупное сражение произошло у Валутиной горы 19 августа. Наполеон, потерпев неудачу в своих планах, решил не дать выбраться первой русской армии, которая отступала двумя колоннами—по Московской и в обход по Петербургской дорогам из предместий Смоленска. Для этой цели маршалы Ней и Мюрат должны были перехватить переправу у речки Колодня. Посланный Барклаем де-Толли отряд Тучкова 3-го преградил путь французам и целый день отражал атаки больших сил конницы и пехоты врага, чем обеспечил выход первой русской армии к Соловьевой переправе. Таким образом была сорвана последняя попытка Наполеона отрезать путь отступления хотя бы части русских войск. Узнав о неудаче, Наполеон был взбешен. Даже в заточении на острове святой Елены Наполеон вспоминал об этой неудаче.

Русская армия в полном порядке отступала до Бородина, где 7 сентября произошло знаменитое Бородинское сражение, в котором принимало участие и смоленское народное ополчение.

Народная война на Смоленщине

29 августа к русской армии, стоявшей в Царево-Займище, прибыл любимец русского народа, лучший ученик Суворова—Михаил Илларионович Кутузов. Он принял верховное командование над двумя русскими армиями, чем было устранено очень вредное двуначалие—Барклая де-Толли и Багратиона. Александр I ненавидел Кутузова еще с 1805 года. При царском дворе было у старого полководца много врагов, но под давлением общественности Александр вынужден был назначить его главнокомандующим. Назначение Кутузова вызвало всеобщее ликование и в армии и в народе. Когда жители Гжатска узнали о приближении к городу М. И. Кутузова, они вышли навстречу за 5 верст, горячо приветствовали любимого полководца, выпрягли лошадей из его кареты и на себя привезли ее в город к

дому купца Церевитинова, где Михаилу Илларионовичу был приготовлен обед.

Вскоре М. И. Кутузов обратился со специальным воззванием к смолянам, где писал: «Достойные Смоленские жители, любезные соотечественники! С живейшим восторгом извещаюсь я отовсюду о беспримерных опытах в верности и преданности вашей... к любезнейшему Отечеству. В самых лютейших бедствиях своих показываете вы непоколебимость своего духа. Вы исторгнуты из жилищ ваших, но верою и верностью твердые сердца ваши связаны с нами священными, крепчайшими узами единоверия, родства и единства племени. Враг мог разрушить стены ваши, обратить в развалины и пепел имущества, наложить на вас тяжкие оковы, но не мог и не может победить и покорить сердец ваших. Таковы Россияне! Царство Российское издревле было- едина душа и едино тело... Да подкрепит всевышний многотерпение ваше, любезнейшие и достойнейшие соотечественники. Да услышит моления ваши, да поможет вам свергнуть с себя иго, и да водворит паки во единое семейство мир, тишину, славу и благоденствие, коими досели мы наслаждались».

В этом обращении Кутузов подчеркивает, что отовсюду его извещают о патриотических делах смолян, о помощи русской армии, о борьбе с врагом. Первые грозные явления народной войны дали о себе знать неприятелю со вступлением его в Смоленскую губернию. Как только до Смоленска дошли слухи о войне, о вероломном нападении «француза», в городе и по губернии начала организовываться помощь русской армии.

Сами маршалы Наполеона, вступив в Смоленскую губернию, подметили новое явление в войне, когда «каждая деревня превращалась... в костер или крепость». Если в Витебске главный комиссар по снабжению армии Дарю предостерегал Наполеона об опасности голода, вызванного отставанием обозов, то в Смоленске маршалы, и особенно Мюрат, умоляли Наполеона остановиться, прекратить войну. Они доказывали, что не имеют средств «соблазнить» крестьян, привлечь их на свою сторону, что процесс разложения французской армии начался. Маршалы знали о грабежах, мародерстве, о массовом отставании солдат, о дезертирстве, о недостатках в организации снабжения продовольствием и кормами, что вызвало ослабление боеспособности войск. Получить необходимое количество продо-

вольствия и фуража можно было только у крестьян. Их пытались уговорить, привлечь на свою сторону.

В воззваниях к населению Смоленской губернии писали: «Французское войско и гражданское управление употребляют все способы, дабы предоставить вам спокойствие, защиту и покровительство... крестьяне, будьте спокойны, занимайтесь без всякого страха вашими работами, французские войска вам уже не будут больше мешать... им даны строжайшие предписания, чтобы вам обид и притеснений никаких не учиняли. Французское правительство ожидает от вас привоза в город попрежнему хлеба и прочих жизненных продуктов, за которые вы будете получать выгодную плату и большие деньги от самого французского императора». Но это не помогало.

Смоленский крестьянин в солдатах Наполеона видел врагов Родины, причину своих бедствий, разорения и несчастья. Он не верил льстивым словам завоевателей. Крестьяне уходили в леса, сжигая свои дома, постройки, стога сена, хлеба, превращая территорию на десятки верст к северу и югу от Смоленской дороги в пустыню, по которой брели голодные французские полки. Для обеспечения себя от нападения мародеров и отрядов фуражиров крестьяне вооружались на первых порах чем попало—косами, вилами, примитивными пиками и просто дубинами, создавали партизанские отряды, нанося французской армии большой ущерб. Маршалы Наполеона это знали, они видели, как тает на глазах армия, разлагаясь от мародерства, грабежей, дезертирства. Отставание обозов с продовольствием и фуражом заставляло командование искать все это на месте. Призывы к смоленским крестьянам привозить в города и продавать продукты питания и фураж не дали результатов. Голодные солдаты в одиночку и шайками рыскали по лесам в поисках крестьян, чтобы добыть пищу. Особенно неистовствовали в грабежах немцы—вестфальцы, баварцы, пруссаки. Французы грабили редко, а гвардия в грабежах не участвовала даже в период отступления, когда голод душил армию Наполеона.

Грабежи и мародерство усилили ненависть у смоленских жителей и прежде всего у крестьян к наполеоновской армии, а вместе с этим и разожгли борьбу с ней. Даже простая самозащита требовала сопротивления, которое выражалось в различных формах — от простого бегства в леса, с уничтожением имущества, до создания вооруженных отрядов для оттеснения шаек мародеров, фуражиров и напа-

дения на отстающие толпы солдат. Эта борьба, по мере продвижения французской армии в глубь Смоленской губернии, принимала все большие размеры, принося завоевателю огромный урон.

Даже Наполеон, категорически отвергший просьбу своих маршалов остановиться в Смоленске и вначале не желавший придавать большого значения растущему народному возмущению, должен был в Гжатске принять определенные меры. Он приказал начальнику штаба маршалу Бертье: «Напишите генералам, командующим корпусами, что мы ежедневно теряем много людей вследствие недостатка порядка в способе добывания провианта. Необходимо, чтобы они согласовали с начальниками разных частей меры, которые нужно принять, чтобы положить предел положению вещей, угрожающему армии гибелью; число пленных, которых забирает неприятель, простирается до нескольких сотен ежедневно, нужно под страхом самых суровых наказаний запретить солдатам удаляться, а с фуражирами посылать «достаточную охрану против казаков и крестьян».[1] Французы сплошь и рядом конных партизан, вооруженных пиками, принимали за казаков.

Народная война приобретает в Смоленской губернии самые разнообразные и всесторонние формы:

1. Пополнение русской армии добровольцами путем создания ополчения.

2. Образование постоянно действующих вооруженных отрядов партизан, принимавших вид обычного армейского соединения.

3. Создание огромных отрядов на каждый отдельный случай. Когда нужно отразить крупное соединение неприятеля, тогда по определенному сигналу все мужчины, а иногда и женщины соседних деревень вооружались чем попало и собирались в установленные заранее пункты.

4. Нападение на тылы противника — обозы, курьеров, что особенно усилилось после Бородина.

5. Уничтожение построек и имущества, которое нельзя было захватить с собой, превращение территории около Смоленской дороги в пустыню.

Французский историк, участник похода Наполеона в Россию, рассказывает, что «богатство и все, что могло их

---

1 Цитировано по Е. Тарле: „Нашествие Наполеона на Россию" — 1812 год.

удержать, а нам послужить на пользу, было принесено в жертву. Между нами и собой они оставляли голод, огонь и пустыню». Это особенно губительно сказалось для врага в период отступления, когда французы не могли достать ни пищи, ни крова и гибли от холода и голода.

В партизанской войне участвовали все сословия — крестьяне, горожане (купцы, ремесленники), дворяне и духовенство, но главную и абсолютно преобладающую массу партизан составляли крестьяне. Французы захватили из 12 уездов губернии 8, которые и были превращены в пустыню. Только по глухим лесным чащам, которых в то время было много, ютились крестьяне с семьями, скотом и небольшим имуществом.

Из этих укромных мест крестьяне организовывали нападения на французов. Четыре уезда — Бельский, Сычевский, Рославльский и Юхновский — неприятелю не удалось занять, хотя и неоднократно туда посылались крупные подразделения, даже с артиллерией. Население этих уездов организовало настоящую войну. Отдельные партизанские отряды устанавливали прочную связь друг с другом, распределяли участки наблюдения, учреждали постоянно действующие воинские заставы.

Была введена хорошо продуманная система сигналов, условных знаков при помощи колокольного звона разных тонов и мотивов, костры из соломы — огненные или из сырой хвои — дымовые, различные комбинации выстрелов и т. д. По тому или иному сигналу поднимались тысячи воинов и, как из-под земли, вырастали вокруг врага, дружным налетом всегда опрокидывали его. Своей самоотверженной борьбой население сохранило эти уезды от разорения.

К сожалению, дошедшие до наших дней «Записки о ходе народной войны в 1812 году» очень скупо рассказывают, а иногда только напоминают об огромной борьбе, которую развернули смоляне против наполеоновской армии. Если о партизанских отрядах, возглавляемых видными дворянскими деятелями, имеются специальные доклады предводителей уездных дворянских собраний, то об отрядах, созданных и руководимых крестьянами и горожанами, упоминания очень сухи и сжаты. Первые очаги партизанской борьбы начали создаваться в Поречском и Краснинском уездах, т. е. в местах, граничащих с Белоруссией, которые в первую очередь были захвачены неприятелем.

Пионером партизанской войны в Смоленской губернии и, значит, во всей России был Семен Архипов из Краснинского уезда. В лесах, в 40 верстах от Краснинского большака Семен Архипов создал крупный отряд, который временами достигал нескольких сотен человек. Караульной и наблюдательной службой в отряде ведал пожилой крестьянин Федька. Он появлялся на самых опасных участках и своим бесстрашием вдохновлял всех партизан. Разведка в отряде была доверена пронырливому, кривому на один глаз дьячку. На своей маленькой с большим брюхом лошаденке начальник разведки поспевал везде и во время. Вооруженный французской саблей и драгунской пикой, дьячок смело налетал на шайки фуражиров и мародеров.

Семен Архипов многочисленными рейдами по тылам французской армии наводил страх на врага. За отрядом Архипова охотились специально высланные воинские подразделения. За поимку Архипова или за его труп французские власти обещали большую награду.

С середины августа до начала ноября отряд Семена Архипова уничтожил свыше 1500 и захватил в плен около 2000 солдат и офицеров неприятеля. Архипов посылал партизана Григория Толкачева к Москве за сведениями о Бородинском бое, борьбе русской армии. Толкачев, вернувшись, подробно рассказывал о пожаре Москвы, о бесчинствах французов. Его рассказы ожесточали партизан, закаляли их решимость бороться до конца. Перед отступлением французов из Смоленска отряд гусар напал на деревню, когда Семен Архипов с частью партизан находился в церкви.

Ударили в набат. Партизаны бросились по домам за оружием, но неожиданно налетевшие французские гусары били их, хватали в плен. Избили и связали Семена Архипова, Федьку и Григория Толкачева. Под Красным на большаке у костра остановился Наполеон со свитой. К нему привели пленных партизан. Наполеон приказал всех расстрелять. Около дороги среди деревьев Семена Архипова с товарищами, предварительно раздев и ограбив, французские гусары расстреляли. На труп Семена на другой день наткнулся шедший за отступающим неприятелем гренадер Павловского полка, его родной сын. Молодой воин узнал старого отца. В первом же бою под Красным в лихой атаке излил свое горе молодой гренадер и кровью врага отомстил за убийство отца.

В борьбе с завоевателями покрыл себя вечною славой отряд поречских (ныне демидовских) горожан, организованный мещанином города Поречья Никитою Минченковым. Десятки налетов предпринял Никита на дорогу, по которой двигались обозы и отряды французов, причиняя им большой ущерб. В один из набегов Минченков захватил в плен французского курьера с очень важными материалами. Документы Минченков отвез к главнокомандующему русской армией, за что был награжден орденом Георгия. При отступлении французской армии отряд Никиты Минченкова напал на 11-й французский полк, разгромил его, захватил полковое знамя и золотого орла. После войны русское правительство наградило Минченкова и вернуло ему 9002 рубля, истраченных им на содержание отряда.

26 октября объединенные отряды Поречского уезда отбили наступление крупной воинской части противника, которая прорвалась к самому городу.

Долгое время в Дорогобужском уезде оперировал отряд Ермолая Васильева. Раненный в бою в Минской губернии, Ермолай Васильев пробирался, как теперь принято говорить, из окружения. Недалеко от Дорогобужа его захватила группа крестьян. Крест на шее, рана на плече убедили крестьян, что Васильев — свой человек. Бывалый солдат, драгун Киевского полка, Васильев вскоре возглавил отряд партизан, вначале состоявший из 60 человек. Недостаток оружия тормозил развертывание деятельности и рост отряда, но Васильев говорил, что «французы снабдят нас».

27 (15) августа, в день праздника успения богородицы разведчики донесли, что по дороге бредут толпы отставших французских солдат. Васильев умело организовал нападение, многих побил, захватил в плен, а, главное, добыл свыше 100 французских ружей. Вскоре отряд Васильева вырос до 600 человек. Отряд был разбит на роты, эскадроны. В нем ввели воинскую дисциплину и порядок. Васильев расширил район действия отряда на востоке до Гжатска, а на западе до Ельни. Много походов и налетов предпринял Васильев со своими удальцами конными партизанами. Свыше тысячи французов истребил, многих пленил, захватил 50 фур со снаряжением, свыше 100 зарядных ящиков, около 200 лошадей и даже в одной стычке партизаны Васильева отбили у французов шесть пушек, но увезти удалось только одну, которая впоследствии была помещена в Москве на Кремлевской площади.

3 ноября Васильев во главе отряда находился в операции под Вязьмой. Здесь он встретился с русским авангардом, со своим Киевским драгунским полком. Командир полка, уже осведомленный о боевых действиях отряда Васильева, принял его милостиво, ходатайствовал о награждении орденом и оставил при себе ординарцем.

Дошел до наших дней рассказ о боевых делах дворовых людей имения Барышникова (Николо-Погорелое, Дорогобужского уезда). Однажды отряд мародеров проник в эти места. Дворовые вооружились, двое достали ружья и притаились у дороги. Когда мародеры приблизились, по ним были даны два выстрела, что привело врага в замешательство, а потом с криками «пардон» дворовые набросились на французов и переловили всех.

Исключительно большой размах достигло партизанское движение в Сычевском уезде. Сычевские партизаны отличались не только беззаветной храбростью, преданностью Родине, но и организованностью действий, большим радиусом военных операций. Их знала вся Россия, их слава проникла далеко на запад, вглубь Франции унесли мародеры животный страх от слова «сычевка». Сычевский уезд великодушно приютил тысячи беженцев из западных уездов Смоленщины. Теплым чувством вспоминали женщины, старики заботливое внимание сычевских патриотов. Одна из беженок так описывает положение в Сычевском уезде: «Там собрались из всех мест крестьяне и мещане с косами, топорами, вилами, пиками и объявили, что они ни на пядь не пойдут из своего уезда, пока останутся только живыми». И в самом деле партизанские отряды Сычевского уезда выдержали не одну битву с большими отрядами фуражиров, желавшими проникнуть в уцелевший от разорения уезд.

Особым почетом в Сычевке пользовался старый суворовский солдат из сдаточных крестьян, дослужившийся до офицерского чина, — Емельянов. Он сумел объединить несколько отрядов, вооружить бойцов трофейным оружием, ввести строгую воинскую дисциплину и тем самым создать солидную воинскую часть. По южной окраине уезда были расставлены посты, которые, пользуясь разработанной сигнализацией, во-время предупреждали штаб и Емельянова о поведении неприятеля. По данному из штаба знаку собирались в определенные места мужчины окрестных деревень, а женщины и дети уходили в леса. По минова-

нии опасности все возвращались на прежние места, к своим прерванным занятиям. Емельянов мог в полдня поднять отряды всего уезда. Эта четкость и организованность спасли Сычевку от разорения.

Прославился своей богатырской силой староста села Левшина на реке Вазузе, прозванный «вазузским Ахиллесом». При встрече с врагом он бросался в рукопашный бой и могучими руками ломал на две части своего противника. Вооруженный дубиной, этот богатырь не боялся встреч с целыми группами мародеров. Однажды тридцать французов ворвались в деревню и в одной хате устроили пирушку. Староста села Левшина один явился в деревню, закрыл дверь избы, где пировали французы, и плечом подпер дверь. Французы пытались открыть дверь, но не тут-то было. Начали стрелять. Выстрелами в дверь смертельно ранили русского богатыря, но вырваться из западни им не удалось. Своим могучим телом прочно держал умирающий «вазузский Ахиллес» дверь до прибытия крестьян.

Лихим наездником оказался пономарь села Савинок Алексей Смирягин. С отрядом удальцов он делал смелые налеты до самой Вязьмы, где, как говорили односельчане, «весело трезвонил» противника. За боевые дела пономарь Алексей был награжден орденом.

Отличились в Сычевском уезде и женщины-патриотки. Их боевые действия послужили темами для художников и писателей. Среди женщин Сычевского уезда на всю страну прославились старостиха Василиса Кожина и Прасковья из деревни Соколово. Старостиха Василиса организовала отряд из женщин и подростков и выполняла определенные задания по конвоированию пленных, а иногда принимала участие и в боевых операциях.

Прасковье одной пришлось столкнуться с шестью французами во главе с полковником, которые хотели изнасиловать ее. Сильная и храбрая женщина не растерялась, вилами заколола троих, в том числе и полковника, а остальные позорно бежали. Эта слава сделала Прасковью командиром отряда, с которым она нападала на мародеров.

Оставили добрую память о своих делах отряды крестьян, возглавляемые Агапом Ивановым, Сергеем Мироновым, Максимом Васильевым, Андреем Степановым, Антоном Федоровым и Василием Никитиным.

Помимо этих отрядов, созданных крестьянами, в Сы-

чевском уезде действовало много отрядов, организованных дворянами.

Не одну тысячу наполеоновских солдат и офицеров уничтожили и пленили сычевские партизаны. Своими бесстрашными налетами сычевцы наводили ужас на врага. Слово «сычевка» пугало грабителя так же, как «козак».

В одну деревню Вяземского уезда забралась группа мародеров. Десятилетний мальчик, увидев французов, закричал: «Эй, ребята, сюда, ведите французов в Сычевку!». Услышав и разобрав слово «сычевка», мародеры побежали из деревни.

В соседнем, Гжатском уезде партизанское движение также достигло большого развития. Ярко отличились крестьянские отряды Игната Никитина и Галактиона Максимова. За боевые заслуги они были награждены орденами Георгия.

Кипучую деятельность развил раненый солдат по прозванию Самусь. Он довел свой отряд до двух тысяч человек, вооружил многих ружьями и в отряде была даже одна трофейная пушка. Своими налетами Самусь истребил свыше трех тысяч французов. За выдающиеся заслуги Милорадович произвел Самуся в унтер офицеры и наградил орденом.

В деревне Басмы, Гжатского уезда, помещался штаб большого партизанского отряда унтер-офицера Четвертакова. Способный организатор и толковый командир, Четвертаков постепенно растил свой отряд, умело охраняя соседние деревни от вторжения врага. Он довел отряд до 300 постоянных бойцов и подчинил себе крестьянские отряды нескольких волостей. Однажды целый батальон противника с двумя пушками вторгся в пределы района действий отряда Четвертакова. Быстро, при помощи условной сигнализации, были оповещены все ближайшие деревни. К Четвертакову собралось до четырех тысяч вооруженных крестьян. Он смело атаковал французов и заставил их отступить к Гжатску. В другой раз в деревне Крисово отряд Четвертакова разогнал 400 французских солдат, захватив в плен 75. При приближении русской армии Четвертаков вернулся в свой полк, а за боевые дела был награжден Георгием.

В Гжатском уезде начал свою партизанскую деятельность поэт-партизан Денис Давыдов.

В Рославльском уезде действовали, помимо крестьян-

ских отрядов, боевые группы горожан во главе с купцом Голиковым. Рославльцам пришлось отражать не только шайки мародеров и фуражиров, но и отбиваться от крупных французских подразделений, которые хотели захватить брянский арсенал.

Сотни врагов уничтожили бельские и юхновские партизаны. Большую деятельность в Юхновском уезде развил предводитель дворянства Семен Храповицкий, который организовал и вооружил отряд до двух тысяч человек. Отряд был разделен на сотни, во главе которых стояли дворяне уезда.

Из очень кратких и неполных докладных записок уездных предводителей видно, что на Смоленщине в 1812 года действовали: 17 отрядов крестьян, включавших около 10 тысяч человек, 22 отряда было организовано дворянами из своих дворовых и крестьян. В этих отрядах насчитывалось около 4200 человек. В Сычевке, Рославле и Белом были созданы пять отрядов горожан, содержавшихся на средства купцов. Два небольших отряда организовало духовенство: одним отрядом руководил священник, а другим пономарь. Таким образом, на территории губернии действовало 44 отряда с количеством партизан свыше 16 тысяч.

Активная борьба смоленских партизан оказала огромную помощь русской армии в разгроме полчищ врага. Кутузов, как истинный сын народа, быстро оценил партизанские приемы борьбы с «непобедимой» армией Наполеона. Кутузов хорошо понимал и об этом не раз говорил, что в открытом бою огромную армию Наполеона разбить нельзя. Тактика Кутузова в борьбе с Наполеоном исходила из учета нового момента — народного характера войны. Как только прибыл в Гжатск, Кутузов узнал о формах борьбы жителей Смоленской губернии с наполеоновской армией. Он обратил особое внимание на сжигание деревень, своего имущества и уход крестьян в леса, т. е. на превращение значительных пространств у Смоленской дороги в пустыню. После Бородинского сражения Кутузов делает ставку на действие пустыни и поэтому своей армией прикрывает дороги на юг, двигаясь параллельно со Смоленской дорогой, по которой отступали французы. Великий полководец в приемах борьбы смоленских жителей увидел могучее оружие своей победы над врагом. Кутузов верил, что пустыня — разоренная Смоленская дорога, непрерывное нап-

дение передовых частей и удары партизан доконают отступающую французскую армию. Несмотря на гребования Александра, чтобы преградить путь отступлению Наполеона и даже пленить его, Кутузов все же избегал крупных сражений, не желая терять солдат.

Как метко определили некоторые французы, участники похода, Наполеон завоевывал в России разоренную землю без людей и жилья. Русских людей Наполеону не удалось покорить.

Правда, французская администрация заставила силой некоторых дворян пойти служить в органы городского управления. Но от этой службы французы имели больше вреда, чем пользы. В 1813 году, после освобождения Смоленска, специальная правительственная комиссия расследовала «службу» ряда лиц у французов и оправдала всех бывших членов смоленской магистратуры, за исключением одного, учителя гимназии Ефремова.

Имели место факты исключительно мужественного поведения смолян. Сохранился рассказ, как одного крестьянина силой хотели заставить служить Наполеону и поставили клеймо на левую руку. Крестьянин спросил: — Для чего это меня оклеймили? — Это знак, что ты теперь находишься на службе у Наполеона, — объяснили ему. Крестьянин выхватил из-за пояса топор и отсек себе клейменую руку. Французы ужаснулись такой решимости.

Геройски вели себя также Шубин и Энгельгардт. Арестованные французами как участники вооруженной борьбы с ними, Шубин и Энгельгардт были приговорены к расстрелу. Одному и другому французский губернатор предлагал помилование, если они согласятся пойти на службу к императору Наполеону, но мужественные патриоты отвергли предложение. Особенно упорно французы соблазняли Павла Ивановича Энгельгардта, обещали ему чин полковника, но он отверг все предложения. Павел Иванович, выслушав приговор, заявил: «Вы не поработите Россию, все погибнете. Я благодарю бога за то, что умираю, как верный сын отечества. Ведите меня скорее к месту моего торжества!». Его вывели на расстрел за Молоховские ворота. Предварительно завязали глаза, но Павел Иванович с презрением сорвал повязку с глаз и крикнул: «Стреляйте!» Бесстрашно глядел он на целившихся в него солдат. Прогремел одиночный выстрел. Павел Иванович был ранен в ногу. Ему снова предложили помилование, чин полковника, пол-

ное излечение за службу Наполеону. Но Павел Иванович резко отверг и это предложение. Грянул залп французской команды, и упал бездыханный труп истинного сына России.

Нашествие Наполеона на Россию причинило Смоленской губернии огромное разорение: сожжено было около 40 тысяч только крестьянских домов, истреблено 79 тысяч лошадей, 132 тысячи голов крупного рогатого скота, 278 тысяч мелкого скота. Убытки исчислялись: у помещиков 11.265 тыс. руб., у крестьян — 42.623 тыс. руб., у горожан — 20.453 тыс. руб., а всего на 74.341 тыс. рублей.

Город Смоленск лежал в руинах, на улицах французы оставили огромное количество трупов людей и животных. В 1813 году было убрано в городе Смоленске — 31.166 трупов людей и 14.385 трупов животных. По губернии убрали 172.566 трупов людей и 128.739 трупов животных.

В тяжелую для России годину мысли и чувства русских людей были направлены к тому, чтобы поразить вторгшегося в пределы Родины завоевателя. В Смоленской губернии, которая сделалась ареной ожесточенной войны патриотический подъем был особенно велик. Крестьяне не верили провокационным обещаниям наполеоновских агентов и надеялись на улучшение своего положения после изгнания неприятеля. Они возмущались, когда помещики в панике убегали в тыл, грабили и угрожали проезжающим через деревни таким помещикам-беглецам. Там же, где помещик оставался, начинал организовывать крестьян на борьбу с французами, сам становился во главе отряда, отношения были хорошими.

В 1812 году имели место выступления крестьян в поместьях Барышникова (Дорогобужский уезд) и Лыкошина (Вяземский уезд). В первом случае причины выступления остались не выясненными. Во всяком случае они не явились следствием слухов, что Наполеон несет свободу крестьянам, так как барышниковские крестьяне и дворовые (Николо-Погорелое) участвовали в борьбе с французами. В поместьи Лыкошкина выступление ограничилось убийством сына помещика. Как выяснилось на следствии, убийство совершили жених и брат опозоренной молодым помещиком девушки.

Смоленские крестьяне не ожидали воли от Наполеона; они знали, как по соседству, в Могилевской губернии, французские солдаты устраивали экзекуции над крестья-

нами, восставшими против своих помещиков. В Наполеоне смоленские крестьяне видели иноверного захватчика, посягавшего на независимость Родины, разорившего их родные места. Они, как и крестьяне многих других губерний, верили, что за беспощадную борьбу с врагом после войны русский царь даст им волю, но впоследствии жестоко в этом обманулись.

Смоленские крестьяне первыми в стране зажгли пламя народной войны, и это пламя перебросилось в Московскую, Калужскую и другие губернии.

Л. Н. Толстой говорит, что «со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступление после сражений, удар Бородина и опять отступление, пожар Москвы, ловля мародеров, переимки транспортов, партизанская война, — все это было отступление от правил... Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глуповатой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась и опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

* * *

Через 129 лет после нашествия Наполеона наша страна подверглась вероломному нападению гитлеровской Германии. Враг оказался жестоким и неумолимым. Он поставил своей целью не только захват наших земель, но и порабощение народов Советского Союза, «их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов». Вопрос стал «о жизни и смерти советского государства, о жизни и смерти народов СССР». «Над нашей Родиной нависла серьезная опасность». (*Сталин*).

Пользуясь временными преимуществами — внезапностью нападения, преобладанием в танках, авиации, отмобилизованностью своих людских резервов, — гитлеровцам удалось захватить значительную часть советских территорий, подверглась оккупации и Смоленская область.

Она сделалась ареной ожесточенных схваток частей Красной Армии с гитлеровской центральной группой войск. На полях Смоленщины похоронен был пресловутый фашистский план блиц крига — молниеносной войны.

Гитлеровские орды рвались к сердцу нашей Родины — Москве.

В исторической своей речи 3 июля вождь народов Советского Союза товарищ Сталин дал четкую программу действий по разгрому гитлеровских армий. Там же была поставлена ясная задача и тем советским людям, которые по разным причинам остались на территории, временно оккупированной немцами. Товарищ Сталин сказал: «В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны, всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Советские люди, вдохновляемые мудрой речью вождя и подвигами великих предков, поднялись на борьбу с коварным и злым врагом. Тысячи и тысячи смолян вступили в ряды Красной Армии, ушли на фронт.

Оставшиеся на временно захваченной врагом территории области смоляне, отвечая на призыв товарища Сталина, приступили к выполнению поставленных им задач. Как и Наполеон, фашистские войска покоряли горевшую землю, а не советских людей. Не покорились и смоляне.

Гитлеровцы думали зверствами, злодейской расправой подчинить советских людей, сломить их волю к сопротивлению. Враг не учел характера русского человека.

По призыву вождя партийная областная организация приступила к созданию партизанских отрядов, к организации сил советских патриотов для борьбы с немецкими захватчиками.

На фашистские злодеяния жители Смоленской области ответили грозным развертыванием партизанской борьбы.

Ряды народных мстителей непрерывно пополнялись все новыми и новыми массами бесстрашных воинов. Уже в декабре 1941 года на Смоленщине оперировало свыше 50 партизанских отрядов с 20 тысячами беззаветных бойцов. Партизаны не только разили врага пулей, гранатой, они били его правдивым словом, рассказами о Большой

земле, чем вдохновляли измученных неволей людей на новые подвиги.

Наступление Красной Армии, начавшееся 6 декабря 1941 года, разгром немецких войск под Москвой вызвали новый подъем народной войны на Смоленщине. Своими мощными ударамм по тылам врага смоленские партизаны оказывали большую помощь наступающим частям Красной Армии. Количество партизанских отрядов резко возросло.

Гитлеровское командование, предпринимая свое авантюрное наступление на Сталинград и подготавливая удар из Орла на Москву, летом 1942 года организует большие карательные экспедиции для ликвидации партизанского движения на Смоленщине и в брянских лесах. Против партизан немцы бросили 10 регулярных дивизий с танками и авиацией.

Попытки врага сломить партизан окончились неудачей. Партизаны, имея прочную поддержку населения, вовремя узнавали о замыслах врага и умелыми маневрами их срывали.

Сколько изворотливости, русской сметки и беспримерной храбрости проявили смоленские партизаны летом и осенью 1942 года в тяжелой, изнурительной борьбе с озверелым и вооруженным до зубов врагом! За этот период смоленские народные мстители овладели искусством партизанской войны. Они вышли из борьбы возмужавшими и организационно окрепшими, накопившими большой практический опыт.

Разгром немцев под Сталинградом означал поворот в Великой Отечественной войне. Победоносная Красная Армия, выполняя гениальные планы товарища Сталина, гнала фашистские орды на запад. Сокрушительное поражение, нанесенное немцам под Орлом и Белгородом, было началом очищения Украины, Брянской и Смоленской областей от фашистских захватчиков.

Наступающим дивизиям советских войск смоленские партизаны оказывали большую помощь — разведкой, разрушением вражеских коммуникаций, уничтожением живой силы и техники противника. Операции партизан были строго согласованы с наступающими регулярными частями. Под ногами врага горела Смоленская земля. 55.000 смоленских партизан, объединенных в отряды, пользуясь активной поддержкой сотен тысяч рабочих, колхозников, интеллигентов, «громили врага в лесах и на дорогах Смоленщины».

За два года борьбы смоленские народные мстители истребили 95 тысяч гитлеровцев, взорвали 583 железнодорожных и шоссейных моста, 150 складов, пустили под откос 300 эшелонов с войсками и техникой врага, уничтожили 452 танка, разрушили тысячи километров железнодорожных путей.

Фашистские людоеды, бессильные остановить победоносное наступление Красной Армии, вымещали свою злобу на мирных жителях, разрушая города, села и деревни. В черные дни немецкой оккупации на Смоленщине было расстреляно, сожжено и замучено 300 тысяч советских людей, из них десятки тысяч женщин и детей. Около 100 тысяч человек фашисты угнали на каторгу в Германию. Немецкие злодеи разрушили города Смоленщины, уничтожили фабрики и заводы, сожгли 200 тысяч домов колхозников, разрушили тысячи школ и различных культурных учреждений. Более двух тысяч сел и деревень фашисты уничтожили до основания.

25 сентября 1943 года войска Западного фронта освободили многострадальный город Смоленск и вскоре очистили от немцев всю область.

Смоленские большевики возглавили патриотическое движение населения области в деле восстановления городов, сел, деревень, заводов и колхозов. С помощью Центрального Комитета ВКП(б), Советского Правительства и лично товарища Сталина начала возрождаться жизнь в истерзанной врагом Смоленской области.

За два года упорного и напряженного труда проделана огромная работа по восстановлению городов и сел, заводов и колхозов, школ и больниц, но многое и очень многое нужно еще сделать, чтобы залечить страшные раны, нанесенные немецкими извергами.

Непобедимая Красная Армия под водительством гениального полководца товарища Сталина вместе с войсками свободолюбивых народов сокрушительными ударами по фашистскому зверю победоносно закончила войну.

В исторической борьбе народов Советского Союза и всего прогрессивного человечества против фашистских государств принимали участие смоляне. Десятки тысяч жителей Смоленщины сражались в рядах Красной Армии. Тысячи и тысячи смолян за доблесть и отвагу были награждены орденами и медалями. 20 бойцов и офицеров — смоляне получили звание Героев Советского Союза.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. Участие смолян в войнах с кочевниками (XI—XII в в.)	3
II. Борьба смолян с немецкими рыцарями	8
III. Борьба смолян с татарскими завоевателями	11
IV. Борьба смолян с литовскими захватчиками (XIII—XIV в.в.)	13
V. Пять походов князя Витовта под Смоленск (1395—1404 гг.)	17
VI. Грюнвальдская битва	23
VII. Великая Замятня (восстание смолян в 1440 г. против литовско-польского ига в 1140 году)	26
VIII. Героическая оборона Смоленска (1609—1611 гг.)	
Вступление	33
Первые девять месяцев осады.	38
После Клушинской битвы.	50
IX. Народная война на Смоленщине в 1812 г.	
Вступление.	76
Бой под Смоленском.	81
Народная война на Смоленщине.	86

Редактор *Н. Рыленков.*

Подписано к печати 17.VII 46. НК 08305
Об'ем 6 уч.-изд. л., 6½ п. л. Тираж 10.000. Цена 2 р. 10 к. Заказ № 326.
Смоленск, типография им. Смирнова.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Строка сверху	Напечатано	Надо читать
14	34	Радзивилл	Гавтевил
15	26	(1848)	(1348)
19	18	На окрестное население	На окрестном населении
34	8	Провести	Привести
37	9	Поляков	Полков
72	23	Племяннику	Наместнику

2 р. 10 к.